

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Любимов И.Л.

**Влияние ресурсного богатства на экономический
рост: обзор зарубежного опыта и оценки для России**

Москва 2016

Аннотация. Нами будут рассмотрены ключевые работы, в которых авторы пробуют обнаружить или, напротив, показать отсутствие ресурсного проклятия, в частности, мы даем описание одного из ключевых механизмов ресурсного проклятия, голландской болезни. Мы также проводим небольшое исследование, в котором пытаемся установить связь между нефтяным богатством и темпами экономического роста.

Любимов Иван Львович – старший научный сотрудник лаборатории исследований проблем экономического роста ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Анализ зарубежного опыта теоретического и прикладного анализа влияния наличия природных ресурсов на экономический рост в сырьевых экономиках.....	5
1.1 Обзор литературы по ресурсному проклятию	5
1.1.1 Существует ли на самом деле ресурсное проклятие: анализ данных.....	5
1.1.2 Голландская болезнь	22
Глава 2 Эмпирический анализ роли наличия запасов природных ресурсов на темпы экономического роста в России	48
2.1 Описание базы данных	48
2.2 Эконометрическая оценка влияния ресурсных доходов на устойчивость экономического роста.....	49
2.3 Определение уровня чувствительности темпов экономического роста к дополнительным механизмам, через которые реализуется влияние ресурсной ренты	51
Глава 3 Формулировка выводов и практических рекомендаций для России на основании проведенного исследования	54
3.1 Экономическая политика, направленная на сдерживание ресурсного проклятия	54
3.2 Уроки для российской экономики	58
3.2.1 Условное ресурсное проклятие	58
3.2.2 Дефицит человеческого капитала	60
3.2.3 Качество институтов	63
3.2.4 Политэкономия ресурсного проклятия	65
Список использованных источников	69

Введение

В этой работе рассказывается об исследованиях, в которых авторы отвечают на вопрос о том, действительно ли экономикам, богатым природными ресурсами, систематически не удается воспользоваться такими проявлениями удачи, как масштабные потоки ресурсных доходов. Правда ли, что они растут медленнее, чем могли бы, и иногда даже медленнее, чем страны, у которых размер доходов от природных ресурсов значительно меньше? И в чем причина такого сравнительно медленного роста?

Нами будут рассмотрены ключевые работы, в которых авторы пробуют обнаружить или, напротив, показать отсутствие ресурсного проклятия, в частности, мы даем описание одного из ключевых механизмов ресурсного проклятия, голландской болезни¹⁾.

Мы также проводим небольшое исследование, в котором пытаемся установить связь между нефтяным богатством и темпами экономического роста.

¹ Автор выражает благодарность Е.А.Поспеловой за предоставленные материалы.

Глава 1. Анализ зарубежного опыта теоретического и прикладного анализа влияния наличия природных ресурсов на экономический рост в сырьевых экономиках

1.1 Обзор литературы по ресурсному проклятию

1.1.1 Существует ли на самом деле ресурсное проклятие: анализ данных

В работе [1], автор оценивают влияние ресурсного богатства на темпы экономического роста. Они использовали перекрестные данные для оценки влияния экспорта от природных ресурсов на средние темпы роста ВВП в период с 1970 по 1990 годы²⁾.

В работе подушевые темпы роста ВВП выбраны в качестве объясняемой переменной, на которую оказывают влияние несколько переменных, в том числе и показатель, измеряющий уровень наделенности ресурсными богатствами. В качестве меры ресурсного изобилия в работе используется отношение доходов от экспорта природных ресурсов к ВВП.

Прежде чем упомянуть основные результаты работы [1], стоит обратить внимание на то, что такой способ измерения ресурсного богатства может привести к некоторым искажениям.

Представим, что в нашем распоряжении есть данные об экспорте природных ресурсов из двух стран: бедной страны, а также экономики со средним доходом. Предположим, что в стране со средним доходом размер выручки от экспорта природных ресурсов в N раз больше, чем в бедной экономике. Предположим также, что размер населения в этих двух экономиках совпадает. В таком случае ресурсно-богатой является страна со средним доходом, а не бедная экономика: ведь подушевые ресурсные доходы выше именно в первой, средней по уровню дохода, а не второй, бедной, стране. Пусть, однако, ВВП страны со средним уровнем дохода больше ВВП

²⁾ В этом обзоре мы использовали материалы из работы [37].

бедной экономики более чем в N раз.

Как результат, отношение доходов от экспорта природных ресурсов к ВВП будет большим именно в бедной стране, поэтому в соответствии с этим показателем, именно она будет считаться более ресурсно-богатой, чем экономика со средним уровнем дохода. Однако в этом искусственном примере такой результат не соответствует действительности: ведь экономики экспортируют один и тот же ресурс, численность населения в обеих странах, как уже говорилось выше, одинакова, и ресурсно-богатой является именно экономика со средним доходом.

Вполне возможно, что несколько десятилетий тому назад, когда указанная в этом синтетическом примере страна со средними доходами была намного беднее, чем теперь, именно благодаря более высоким подушевым доходам от экспорта сырья она и смогла переместиться из группы бедных экономик в группу стран со средним уровнем дохода. Полученных от продажи ресурсов доходов хватило ей для того, чтобы сделать масштабные инвестиции в инфраструктуру, улучшение качества институтов и человеческий капитал.

Недостаточные темпы роста в бедной экономике, таким образом, могут объясняться ее неспособностью вырваться из ловушки бедности. Тех доходов от природных ресурсов, которые ей удастся получить, может не хватать для того, чтобы сделать достаточные инвестиции в накопление ключевых факторов экономического роста. Как результат, экономика такой страны остается плохо развитой и не может предложить миру ничего, кроме немногочисленных ресурсов, которыми природа наградила ее территорию. В то же время, более ресурсно-богатой стране инвестиции может быть привлекать проще, поэтому ее экономика продолжает расти более быстрыми темпами.

Таким образом, большое значение показателя отношения экспортного богатства к ВВП может отражать не обилие природных ресурсов, а низкий уровень развития, отражающийся в ограниченной способности бедной экономики предложить миру и, в общем, произвести что-либо еще, кроме ресурсов, редкими запасами которых наделена ее территория.

Остается лишь надеяться, что описанный выше пример составляет исключение в выборке авторов, и показатель отношения выручки от экспорта

ресурсных доходов к ВВП достаточно сильно коррелирует с подушевым размером выручки от экспорта природных ресурсов и, таким образом, не только надежно измеряет уровень наделенности ресурсным богатством, но и действительно оказывает влияние на темпы экономического роста.

Однако если последнее не верно, то есть основание предполагать, что отношение стоимости экспорта природных ресурсов, таким образом, может быть эндогенной переменной. Например, низкое качество институтов в экономике становится причиной медленного роста экономики, из-за чего экономика не диверсифицируется и продолжает в основном лишь добывать полезные ископаемые. Как результат, чрезмерная зависимость страны от природных ресурсов сохраняется, и отношение стоимости ресурсного экспорта к ВВП остается высоким. Появляется неопределенность: или доля ресурсного экспорта оказывает влияние на темпы экономического роста, или, напротив, темпы роста экономики определяют структуру выпуска и долю сырьевого экспорта в производстве. Из-за этого ключевая переменная, отношение ресурсного экспорта к ВВП, требует поиска инструментальной переменной. Подробнее о решении этой проблемы будет говориться ниже.

Кроме показателя ресурсного богатства, в качестве объясняющих переменных авторы также используют логарифм душевого ВВП в 1970 году, в первый год выборки. Еще одна объясняющая переменная - уровень экономической открытости экономики в период с 1965 по 1989 год. Уровень открытости определяется размером тарифов и квот, отсутствием слишком большого контроля за экспортом и некоторыми другими показателями. Если все годы с 1965 по 1989 страна оставалась открытой, ей присваивалось значение 1, той экономике, которая, напротив, все годы была закрытой, присваивалось значение 0. Также авторы включили в список объясняющих переменных среднее отношение уровня инвестиций к ВВП с 1970 по 1989 год, показатель, отражающий верховенство закона и некоторые другие переменные.

Авторы получили значимое отрицательное влияние отношения доходов от экспорта природных ресурсов к ВВП на средние темпы роста экономики. Эта зависимость оказалась устойчивой к разным модификациям регрессии, включая альтернативные меры ресурсного богатства, отношение уровня добычи минеральных ископаемых к ВВП и отношение экспорта сырья к общему размеру экспорта. Стоит

отметить, что оба эти показателя обладают тем же недостатком, что и основная переменная, измеряющая уровень ресурсного богатства, используемая в работе — отношение стоимости экспорта природных ресурсов к ВВП.

В целом, результаты работы [1], вероятно, стоит принимать во внимание с осторожностью. Многие переменные, включая ключевую, уровень ресурсного богатства, измеряемую как отношение стоимости экспорта ресурсов к ВВП, вероятно, не слишком хорошо выполняют функции измерения наделенности природными ресурсами. По этой причине, полученные в работе оценки могут быть смещенными.

Похожие результаты автор получил и в работе [2]. Автор измеряет ресурсное богатство при помощи отношения доли природного капитала в национальном богатстве. К сожалению, свойствами этого показателя являются не только те же недостатки, о которых речь шла выше, когда обсуждались детали работы [1], но и некоторые дополнительные.

Что касается недостатков, похожих на те, что упоминались в контексте работы [1], то рассуждения о них очень похожи на предыдущие. Если совокупное богатство одного государства невелико, то даже небольшое природное богатство будет смотреться на его фоне сравнительно большим. Другая, более богатая экономика может быть наделена гораздо большим запасом ресурсов на душу населения, но в то же время ее совокупное богатство может быть более чем пропорционально больше, чем совокупное богатство той, более бедной, страны. Как результат, показатель отношения ресурсного богатства к общему богатству может отражать не уровень наделенности природными ресурсами, а низкий уровень развития менее богатой экономики.

Другой недостаток этого показателя заключается в том, что показатель наделенности природными ресурсами измеряется всей величиной природного богатства. Однако если это богатство располагается в недрах, если его никто не добывает, или добывает сравнительно медленно, какой вред оно может принести экономике? Если природное богатство не конвертируется в другие виды активов, если оно не добывается, то, вероятно, оно может запустить только один канал отрицательного влияния природных ресурсов на экономическое развитие:

вооруженный конфликт с целью установления контроля за природными ресурсами. Группы интересов могут начать вооруженную борьбу за право собственности на природный ресурс, результатом чего может стать значительное сокращение плановых инвестиций в экономику, страдающую от разрушительных боевых действий. Однако едва ли прочие механизмы ресурсного проклятия, такие как голландская болезнь, снижение уровня качества бюрократического аппарата и т.д., могут начать действовать, если природный ресурс не добывается.

В работе [2] автор рассуждает о нескольких каналах влияния природных ресурсов на темпы роста. Проявлением голландской болезни автор называет сокращение уровня прямых иностранных инвестиций, а также вытеснение из общего экспорта ресурсной экономики технологичной, индустриальной части. Проявлением голландской болезни, о которой в деталях будет говориться ниже, может быть сокращение уровня прямых иностранных инвестиций и автор обнаруживает отрицательную корреляцию между показателем, отражающим уровень FDI и мерой ресурсного богатства. Указав на эту связь, автор, далее, обращает внимание на положительное влияние уровня прямых иностранных инвестиций на темпы роста ВВП.

Все оставшиеся каналы, о которых рассуждает автор, описываются им похожим способом: сначала автор указывает на отрицательную связь между природным богатством и каким-то промежуточным показателем, часто относящегося к фундаментальным факторам развития, например, запасом человеческого капитала, а после также указывает на положительное влияние этого фундаментального фактора на темпы экономического роста.

Также автор упоминает канал коррупции, через который доходы от природных ресурсов оказывает негативное влияние на темпы роста экономики. Автор, вновь используя корреляцию, указывает на то, что в странах с большим запасом природного капитала уровень коррупции выше. Коррупция, в свою очередь, негативно влияет на темпы экономического роста.

Кроме голландской болезни и коррупции, автор также рассуждает о негативном влиянии ресурсов на темпы накопления человеческого, физического, а также финансового капитала. В каждом случае природный капитал сокращает темпы

накопления или вытесняет другой вид капитала.

В другой работе, [3], автор в больших, чем в предыдущей работе, деталях рассуждает о влиянии ресурсных доходов на темпы экономического роста через механизм замедления накопления человеческого капитала. Высокие доходы от продажи природных ресурсов уменьшают стимулы индивидов к получению образования. На агрегированном уровне результатом этого становится сокращение темпов накопления человеческого капитала. Используя показатель посещения средней школы, автор, при помощи простой корреляции, обнаруживает негативную связь между ресурсным богатством и накоплением человеческого капитала. В свою очередь, результатом более медленного накопления знаний становится сокращение темпов экономического роста.

В противоположность упомянутым выше работам, в работе [4] авторы, напротив, утверждают, что природные ресурсы не являются причиной проблем, с которыми сталкиваются развивающиеся страны. Фундаментальные переменные, влияющие на темпы развития, по мнению авторов, нейтральны к ресурсному богатству. Например, если экономика начинает получать высокие доходы от продажи природных ресурсов в тот момент, когда свойством ее институтов является низкое качество, страна становится богаче, однако качество ее институтов остаются все на том же, низком уровне. Выйдя на тот же уровень дохода, что и ресурсно-бедные страны, которые разбогатели, в том числе, и за счет реформирования институтов, ресурсно-богатые страны выглядят на их фоне менее предпочтительно: ведь качество институтов в ресурсно-бедных странах скорее всего стало лучше по сравнению с ресурсно-богатыми экономиками. Этот результат создает впечатление, что ресурсное богатство разрушает качество институтов, в то время как на самом деле качество институтов, в отличие от подушевого ВВП ресурсно-богатого государства, всего лишь оставалось неизменным. Авторы утверждают, что обвинять доходы от ресурсного экспорта бессмысленно: если ресурсы не влияют на фундаментальные переменные, то без них, без ресурсов, экономика была бы всего лишь беднее, а темпы роста продолжали бы определяться фундаментальными переменными.

В качестве объясняемой переменной в работе используется уровень подушевого ВВП. Такой выбор объясняемой переменной связан с несовершенством темпов роста подушевого ВВП, на которое указывают авторы. Темпы роста в

ресурсно-богатой экономике могут быть ниже темпов роста в ресурсно-бедной стране из-за того, что рост в ресурсной отрасли может замедлиться или из-за стагнации в уровне добычи сырья, или из-за стагнации в уровне цен на природные ресурсы. Так как рост в секторе природных ресурсов делает значительный вклад в рост всей ресурсной экономики, замедление ресурсного сектора становится причиной падения общего темпа роста. Уровень ВВП на душу населения, по мнению авторов, точнее отражает темпы роста: большой уровень подушевого ВВП может быть следствием высоких исторических темпов роста. Если ресурсно-богатая экономика едва ли могла бы достичь уровня подушевого ВВП, по крайней мере часть лет превышающего ВВП на душу населения в похожей ресурсно-бедной экономике, если бы на протяжении некоторого времени не росла быстрее. Однако если последнее верно, то о наиболее неблагоприятной версии ресурсного проклятия, при котором темпы роста экономики снижаются сразу вслед за ростом ее ресурсных доходов, не может идти и речи.

Стоит, однако, подчеркнуть, что политики все же могут оказывать влияние на темпы экономического роста, если экономике удастся диверсифицироваться.

В работе оценивается регрессия, использующая перекрестные данные. В качестве объясняющей переменной авторы используют подушевые запасы нефти. Казалось бы, этот показатель ресурсного богатства значительно точнее того, который используют в работе [1], отношения экспортных сырьевых доходов к ВВП. Однако и этот способ измерения ресурсного богатства может быть причиной искажений. Обилие природных ресурсов, сохраняющихся в форме залежей, запасов, едва ли может быть причиной ресурсного проклятия. Чтобы запустить большинство механизмов проклятия, ресурсы необходимо сначала добыть и продать. Вовсе не обязательно, что страна с высоким уровнем подушевых залежей нефти добывает и продает ее в больших количествах. В среднем, скорее всего, между подушевым размером залежей и подушевым уровнем сырьевых доходов существует положительная корреляция, однако в некоторых случаях эта связь может быть слабой.

Другой показатель, который используют авторы — подушевой уровень продажи природных ресурсов. В контексте ресурсного проклятия этот показатель, вероятно, наиболее точен. Именно доходы от продажи сырья могут стать причиной

проблем в экономике, и именно нормирование этих доходов на размер населения дает оценку ресурсного богатства. В работе подчеркиваются недостатки показателя, используемого в работе [1], отношения сырьевых доходов к ВВП, о которых подробнее говорилось выше. Авторы указывают на то, что большая доля экспортных ресурсных доходов может быть следствием низкого уровня ВВП. Последнее может стать результатом многих причин, например, низкого уровня образования, плохих институтов, недостаточно развитой инфраструктуры и т.д. Трудности с экономическим ростом и сравнительно небольшим уровнем ВВП могут быть причиной такой структуры ВВП, в которой ресурсные экспортные доходы занимают слишком большое место. Тем не менее, для демонстрации устойчивости полученных результатов, авторы также используют отношение доходов от продажи нефти к ВВП в качестве объясняющей переменной.

Другие объясняющие переменные, которые авторы добавляют в регрессию, включают географическую широту, дамми-переменные для Латинской Америки, Восточной Азии и Европейского населения, показатель, измеряющий качество институтов, переменную, отражающую разделенность общества по этническому признаку, а также некоторые другие переменные. В качестве меры качества институтов авторы используют показатели коррупции, главенства закона и эффективности правительства из работы [5]. В работе также оцениваются похожие регрессии с меньшим числом или немного другим составом объясняющих переменных.

Авторы получили положительное влияние наделенности природными ресурсами на уровень подушевого ВВП.

В работе также тестируется влияние нефтяного богатства на качество институтов. Авторы получили результат, в котором страны с более качественными институтами выигрывают от ресурсного богатства меньше, чем экономики с менее качественными институтами. Государства с хорошими институтами, в конечном счете, становятся богатыми с любыми запасами нефтяного богатства, а вот те экономики, в которых уровень институтов, напротив, невысок, могут разбогатеть во многом благодаря ресурсной выручке. Авторы подчеркивают, что полученная в других работах отрицательная зависимость между качеством институтов и ресурсным богатством связана, прежде всего, с тем, что в странах с высокими

ресурсными доходами уровень институтов остается неизменным, в то время как в экономиках с сопоставимым уровнем дохода и небольшими запасами природных ресурсов качество институтов выше: ведь именно эволюция институтов в этих странах является одной из причин экономического роста. Как результат, создается иллюзия отрицательного влияния ресурсного богатства на качество институтов.

Однако есть основания не согласиться с рассуждениями и выводами авторов. Создается впечатление, что контекст, который используется в работе, предполагает относительно короткий период времени, в течение которого в экономике происходят ключевые изменения.

Действительно, за 5 лет ресурсное изобилие может переместить экономику из группы бедных стран в клуб более состоятельных экономик, таких как, например, страны со средним доходом. При этом качество институтов останется почти таким же, то есть сохраняется примерно на уровне пятилетней давности. В более развитой стране со средним уровнем дохода качество институтов, вероятно, находится на более высоком уровне. В результате, казалось бы, возникнет иллюзия отрицательной зависимости между ресурсным богатством и экономическим ростом, о которой и упоминают авторы.

Однако уровень качества институтов может оказаться неизменным не только после 5, но и после 10 или даже 25 лет. На такой длинной дистанции роль нефти в экономическом росте может уже быть гораздо меньшей: ведь едва ли доходы, полученные от продажи этого ресурса, могут устойчиво увеличиваться столь продолжительное время. Вероятно, за этот период ресурсный бум и ресурсный спад сбалансируют друг друга, и, как результат, средние долгосрочные темпы роста в ресурсном секторе, возможно, будут не слишком высокими. На столь длительной временной дистанции более важную роль для экономического роста могут скорее сыграть экономические и политические реформы.

Однако если качество институтов остается низким даже на такой длинной дистанции, то есть реформы не проводятся очень продолжительное время, то можно ожидать, что долгосрочный экономический рост будет также не очень высоким. Если низкое качество институтов сохраняется многие годы, то есть основания предполагать, что нефтяное богатство и качество институтов все же связаны друг с

другом. Мы приводим эти же рассуждения с большими деталями еще раз.

В течение ограниченного времени мировые цены на природные ресурсы могут повышаться или же страна-экспортер может увеличивать предложение ресурса при неизменных мировых ценах. Результатом этих изменений может быть рост душевых доходов от продажи сырья, темпы роста экономики также будут оставаться сравнительно высокими. Однако в долгосрочном периоде продолжительность сырьевого бума оказывается не слишком большой, и экономика сталкивается с периодом сырьевой рецессии или стагнации. Рост сырьевой экономики замедляется, останавливается или, в еще более неблагоприятных ситуациях, становится отрицательным. По итогам же полного сырьевого цикла, включающего как период сырьевого бума, так и период сырьевого спада, богатая ресурсами экономика может вырасти незначительно, или даже сократиться, как экономики Венесуэлы или Нигерии, о которых говорилось в предыдущей секции. В долгосрочном периоде, в более длительном, чем период бума, страна, богатая природными ресурсами, скорее всего, как и любая другая экономика, может развиваться за счет реформ, в том числе и улучшения качества институтов. Если реформы не проводятся, качество институтов остается низким, и, как результат, экономика продолжает стагнировать.

Период ресурсного бума может длиться продолжительное время. Так же долго может продолжаться время стагнации или спада. Весь ресурсный цикл может длиться несколько десятков лет. За столь продолжительное время невозможно не обнаружить отсутствия улучшения качества национальных институтов в ресурсно-богатой экономике. Реакцией на отсутствие прогресса в качестве национальных институтов должен быть план их, институтов, реформ. Однако если эти реформы не проводятся, и институты годами или десятилетиями остаются неизменными, есть основания предположить, что проведению реформ оказывается сопротивление. Этот аргумент похож на тот, что авторы используют в работе [6], рассуждая о том, что именно плохие институты, а не, например, идеология является ключевой причиной низких темпов экономического роста.

Если какой-то режим использует политику, замедляющую скорость экономического развития, то за короткий срок, возможно, не так легко определить мотивы такого режима: эта политика всего лишь ошибка, заблуждение или же она,

хотя и замедляет темпы роста, выгодна политическому лидеру? Однако спустя более продолжительное время определить причину становится легче: если плохая политика более не используется, то ее применение скорее всего было ошибкой. Если же, напротив, плохая политика становится устойчивой в долгосрочном периоде, вероятно, она выгодна правящей элите. Более того, у последней есть возможность сохранять эту политику в долгосрочном периоде.

Если в ресурсно-богатой экономике качество институтов не меняется на протяжении многих лет, вероятно, их консервация также выгодна политической элите. Кроме того, ресурсные богатства делают эту консервацию возможной. Элиты, например, могут подкупить различные центры власти: парламент, судебную систему, а также СМИ. Последнее позволит им консолидировать власть в своих руках и использовать отсутствие баланса в политической системе для того, чтобы сохранять власть в будущем. Продолжительное сохранение плохих институтов в экономике, таким образом, может быть проявлением ресурсного проклятия: доходы от продажи сырья позволяют не самому честному и эффективному правительству сохранять качество институтов на низком уровне. Возможный недостаток в рассуждениях авторов состоит в том, что они не используют контекст модели общего равновесия, в которой доходы от продажи природных ресурсов влияют на экономические переменные не только через экономические, но и политические механизмы.

Работа [4] таким образом, едва ли опровергает результат, полученный другими авторами, заключающийся в отрицательном влиянии доходов от экспорта ресурсов на качество национальных институтов.

В работе [7] авторы используют более сложные эконометрические методы, чтобы определить влияние природного богатства на экономический рост.

Авторы обращают внимание на недостатки данных по запасам природных ресурсов, которые составлены Всемирным банком [8] и используются в некоторых работах. В работе отмечается, что основные усилия по оценке природных богатств пока что сделаны не на уровне стран, а на уровне международных организаций. Последние же, как правило, используют не самые совершенные методы, чтобы оценить уровень ресурсного богатства. Например, Всемирный банк делает несколько предположений относительно ключевых параметров и затем получает оценки

размера ресурсного богатства для разных стран. В качестве природного богатства стоит включать только ту его часть, которую можно добыть при установившихся цене и уровне издержек. Тем не менее, Всемирный Банк приписывает долларовую стоимость многим видам природных ресурсов, пользуясь лишь оценкой приведенной стоимости рентных доходов от добычи сырья, которая рассчитывается следующим образом:

$$V_t = \sum_{i=t}^{t+T_t-1} \pi_i q_i (1 + r^g)^{-(i-t)},$$

где π_i - рента на единицу добытого ресурса, q_i - число единиц добытого сырья, r^g - ставка дисконта, учитывающая рост экономики, T_t - время, остающееся до окончания добычи полезного ископаемого, начиная с момента t . Ставка дисконта, r^g , определяется следующим образом: $r^g = \frac{r-g}{1+g}$, где g - темп роста экономики, r - социальная норма дисконта. Кроме того, задается закон изменения π_i , размера ренты на единицу добытого ресурса.

Столкнувшись с проблемой пропущенных данных для периода до окончания добычи полезного ископаемого, T_t , Всемирный банк сделал допущение, что T_t равно 20 годам для всех ресурсов и для всех стран. Такое предположение Всемирный банк объясняет высоким значением дисконта для природной ренты, которая будет получена за пределами срока в 20 лет. Высокий уровень дисконта делает значение дисконтированных потоков ренты, которые будут получены спустя 20 и более лет, незначительными. Кроме того, прогнозы для столь длинной дистанции отличаются низкой надежностью.

Кроме того, Банк предполагает, что социальная норма дисконта $r = 0.04$ для всех стран, хотя для более быстро растущих стран норма дисконта, вероятно, выше, в то время как для сравнительно медленно растущих стран она, напротив, может быть меньше этого значения. Так как многие ресурсно-богатые страны, такие как, например, Нигерия и Венесуэла, растут медленно на длинных дистанциях, для случаев этих стран следует использовать меньшее значение социальной нормы

дисконта, чем то, которое установил Всемирный банк. Так как для медленно растущих стран социальная норма дисконта ниже, оценка природного богатства для таких стран должна быть выше, а для стран с более высокими темпами роста размер природного богатства, напротив, ниже.

Всемирный банк, в добавление к тем предположениям, о которых говорилось выше, делает еще несколько допущений о значениях ключевых параметров, которые могут повлиять на размер природного богатства полезных ископаемых. Реагируя на эти предположения Банка, в работе [7] авторы делают заключение о том, что использование базы данных Всемирного банка по размеру природного богатства для разных стран может считаться лишь ограниченно надежным исследовательским шагом. Ведь при составлении этой базы данных Всемирным банком используются унифицированные значения нескольких показателей для всех стран. Как результат, размер ресурсного богатства оказывается пропорциональным ресурсной ренте, полученной в момент времени $t: V_t = 18.3\pi_t q_t$.

Эта зависимость однородна для всех стран, ресурсов и лет. Размер ресурсного богатства связан с ресурсной рентой, а ресурсная рента, в свою очередь, может зависеть от темпов роста подушевых доходов. Как уже упоминалось ранее, когда речь шла о работе [1], эта зависимость может быть результатом низкого качества институтов, из-за которого замедляются темпы роста экономики и, из-за низкого уровня развития страны, рентные доходы остаются сравнительно важной частью экономики. Как результат, размер ресурсного богатства может также зависеть от темпов роста подушевых доходов.

Размер ресурсного богатства может также зависеть от развития экономики напрямую. Как указывается в работе [9], и как уже подчеркивалось в предыдущей секции, в более развитой стране, с большим запасом человеческого капитала и современными технологиями, усилия по обнаружению и добыче природных ресурсов могут быть более эффективными. В уже упоминавшейся истории развития нефтяного сектора Норвегии, быстрое накопление человеческого капитала и технологический прогресс в нефтяной отрасли, вероятно, стали возможными благодаря сравнительно высокому уровню развития норвежской экономики до того, как там в 1960-х гг. были обнаружены коммерческие запасы нефти. Относительно

богатой стране, в том числе и из-за более мягкого бюджетного ограничения, легче увеличить уровень технологий и запас капитала в ресурсном секторе, чем бедной экономике.

Таким образом, ввиду ли влияния темпов роста на размер природного богатства через ресурсную ренту, или через эффективность поиска залежей сырья, но размер ресурсного богатства может быть эндогенной переменной и, следовательно, может потребовать использования инструментальных переменных.

В работе [10] авторы пробуют справиться с проблемой эндогенности переменной, связанной с уровнем ресурсной зависимости. Авторы рассуждают о недостатках той самой меры ресурсной зависимости, отношении стоимости экспорта природных ресурсов к ВВП, которую использовали в работе [1], а также некоторые другие авторы. О содержании их критики этого показателя уже говорилось выше: вопреки многим работам, в которых доля экспортных доходов в ВВП считается независимой, экзогенной переменной, влияющей на темпы экономического роста, важность природной ренты в экономике может на самом деле быть эндогенной. Например, из-за низкого качества институтов, и, как результат, бедности экономики, ее низкого уровня развития и ограниченной способности производить индустриальные блага или услуги, ресурсная рента может оставаться важной частью национальной экономики.

Авторы хотят проверить, действительно ли ресурсное изобилие отрицательно влияет на темпы экономического роста.

Сначала авторы проверяют какой эффект оказывает наделенность природным богатством на качество институтов. Так как качество институтов положительно связано с темпами экономического роста в работе [11] влияние ресурсной наделенности на качество институтов также окажет воздействие и на темпы роста экономики. Авторы оценивают следующее уравнение:

$$I = b_0 + b_1 CV + b_2 RA + e, \quad (1)$$

где I - качество институтов, измеряемое при помощи показателя главенства закона, включающего соблюдение контрактов, качество работы правоохранительной системы, судов, а также эффективность работы бюрократии (для ознакомления с деталями этого показателя см. [5]), CV - вектор переменных, среди которых региональные переменные, а также показатель ресурсной зависимости RD , отношение стоимости экспорта природных ресурсов к ВВП, а RA - показатель, отражающий уровень ресурсного изобилия.

Авторы ожидали, что показатель ресурсного изобилия, RA , будет положительно связан с качеством институтов. Их ожидания оправдались: действительно, корреляция между показателем ресурсного изобилия, измеряемым как логарифм подушевого показателя природного капитала и использующим данные [12], и качеством институтов оказывается положительной. При этом авторы полагают, что в отличие от показателя, используемого [1], а также некоторыми другими авторами, мера ресурсного богатства подвержена меньшему влиянию со стороны внешних факторов. То, что эти факторы могут существовать и для показателя ресурсного изобилия авторы не отрицают. Например, как уже подчеркивалось выше, в более богатых странах для разведки и оценки запасов природных ресурсов могут использоваться более совершенные технологии и больший запас человеческого капитала, из-за чего в более развитой экономике залежи полезных ископаемых могут быть оценены лучше. Однако авторы полагают, что в оценке запасов природных ресурсов принимают участие международные компании, которые сравнительно точно оценивают размеры природного богатства в экономиках, не зависимо от политических ограничений, которыми характеризуются последние. Авторы допускают, что используемый ими показатель ресурсного изобилия может обладать свойством эндогенности, однако они верят, что уровень эндогенности в этом показателе намного меньше, чем в отношении стоимости экспорта природных ресурсов к ВВП.

Показатель же ресурсной зависимости, ключевая переменная в работе [1], оказывается незначимым.

Далее авторы оценивают следующую регрессию:

$$RD = a_0 + a_1CV + a_2RA + a_3CR + a_4I + e, \quad (2)$$

где CV на этот раз включает региональные дамми-переменные, а также открытость экономики для международной торговли, измеряемой как отношение суммы экспорта и импорта к ВВП, CR - институциональная переменная, отражающая конституционные особенности государства, например, является ли страна президентской или парламентской республикой. Авторы используют эту переменную для того чтобы отделять долгосрочные институциональные свойства экономики, отражаемые при помощи CR , от краткосрочных, которые измеряются сравнительно быстро и учитываются при помощи I , показателя верховенства закона и эффективности бюрократии, упомянутого в уравнении (1).

Авторы получили, что переменная, измеряющая долгосрочные институциональные свойства, положительно влияет на отношение стоимости ресурсного экспорта к ВВП. Авторы интерпретируют этот результат следующим образом: в стране со сравнительно сильной президентской властью группы интересов могут оказывать негативное влияние на развитие экономики, из-за чего та будет оставаться зависимой от природных ресурсов. Обилие природных ресурсов также положительно влияет на меру ресурсной зависимости. Главенство закона I оказывает отрицательное влияние на показатель ресурсной зависимости, отношение стоимости экспорта природных ресурсов к ВВП.

Авторы делают вывод о том, что ресурсная зависимость является эндогенной переменной, зависящей от нескольких показателей.

Наконец, авторы оценивают следующее уравнение:

$$G = c_0 + c_1RD + a_2RA + a_3CR + a_4I + e, \quad (3)$$

где объясняемая переменная G отражает темпы экономического роста, а RD , показатель ресурсной зависимости, и I , показатель краткосрочных институциональных свойств экономики, оцениваются при помощи уравнений (1) и (2).

Авторы получают, что показатель ресурсной зависимости, отношение стоимости экспорта природных ресурсов к ВВП, не влияет на темпы экономического роста, в то время как показатель ресурсного изобилия, напротив, оказывает положительное воздействие на темпы роста экономики.

В работе делается вывод о том, что все прошлые рассуждения о вреде ресурсного изобилия - результат недостаточно аккуратных логических шагов, или, по выражению самих авторов «отвлекающий маневр», заставивший поверить исследователей в несуществующую взаимосвязь.

В работе [7] авторы указывают на несколько важных технических недостатков в работе [10]. Например, в уравнении (3) авторы в работе [10] пропустили несколько ключевых переменных, влияющих на темпы экономического роста: это уровень инвестиций, запас человеческого капитала и открытость экономики для международной торговли. В работе [7] указывают, что пропуск переменных может создать серьезные эконометрические проблемы во время оценивания уравнений при помощи 3SLS процедуры: пропуск переменных может привести к несостоятельности оценок. Авторы также указывают на некоторые другие потенциальные проблемы в эконометрической стратегии в работе [10], в том числе ставшие результатом использования инструментальных переменных не на тех этапах 3SLS процедуры, где их, по мнению авторов работы [7], следовало бы использовать.

В работе [7] авторы корректируют эконометрическую стратегию, примененную в работе [10], и используют показатель подушевых запасов ресурсов вместо показателя ресурсного богатства, рассчитываемого Всемирным банком, о котором подробнее говорилось выше. Авторы получают, что ресурсная зависимость оказывает негативное влияние на рост в странах с высокой волатильностью, однако в экономиках с низким уровнем волатильности влияние ресурсной зависимости, напротив, положительно. Авторы делают вывод, что основным механизмом ресурсного проклятия является изменчивость доходов от продажи сырья, если при

этом уровень диверсификации экономики сохраняется на низком уровне.

Таким образом, в современной литературе нет консенсусного мнения о влиянии ресурсного изобилия на темпы экономического роста. Авторы в работе [1] популяризовали термин «ресурсное проклятие», и в большинстве последовавших за их публикацией работ исследуются механизмы, связывающие ресурсную зависимость или ресурсное богатство с темпами экономического роста. Несколько работ, однако, бросают вызов мнению о существовании ресурсного проклятия, в основном направляя свою критику против показателей, которые используются во многих работах в качестве меры ресурсного богатства.

В следующем пункте мы переходим к описанию механизмов, связывающих ресурсное богатство и экономический рост. Мы начинаем пункт о каналах, связывающих ресурсное богатство и экономический рост, с описания механизма голландской болезни, одного из ранних теоретических объяснений негативного влияния высоких доходов от природных ресурсов на экономический рост.

1.1.2 Голландская болезнь

В 1959 году Нидерланды обнаружили крупные резервы газа в Северном море и приступили к их добыче. Уже чуть более чем через 10 лет после этого в голландской экономике началось снижение уровня занятости. С 1970 по 1977 год безработица в Голландии увеличилась с 1.1% до 5.1% , уровень инвестиций в голландскую экономику также уменьшился. Журнал the Economist [13], обративший на это внимание в одном из ноябрьских номеров 1977 г. и назвавший это явление «голландской болезнью», пришел к заключению, что снижение уровня занятости, а также уровня инвестиций, стало результатом удорожания гульдена, голландской национальной валюты.

Один из механизмов голландской болезни, предложенный затем в академической литературе, состоит во влиянии роста доходов от продажи природных ресурсов на спрос на неторгуемые блага. В случае роста доходов от ресурсного экспорта, если в то же время курс национальной валюты остается фиксированным, размер предложения национальной валюты страны-экспортера природного сырья становится больше. В неторгуемом секторе экономики-экспортера природного ресурса производятся нормальные блага, поэтому результатом роста доходов становится увеличение спроса на неторгуемые блага.

Как следствие роста цены на неторгуемые блага, во-первых, увеличивается реальный валютный курс, а, во-вторых, увеличивается спрос на факторы производства в неторгуемом секторе, в том числе труд и капитал. Рост спроса на труд в неторгуемом секторе удовлетворяется за счет тех, кто занят в экспортном индустриальном секторе: работники оттуда перемещаются в сектор неторгуемый благ.

Рост цен в экономике делает издержки производства выше, при этом доходы секторов, производящих несырьевые торгуемые товары, в случае неизменности мировых цен на эти товары, а также из-за фиксированного номинального курса, остаются постоянными. Как результат, прибыли и инвестиции в секторе несырьевых экспортных благ сокращаются.

Если номинальный валютный курс не фиксирован, то результатом притока в экономику иностранной валюты становится рост номинального курса национальной валюты. Если мировые цены на торгуемые несырьевые блага остаются неизменными, то компании, продающие несырьевые блага на мировом рынке, зарабатывают меньше в терминах национальной валюты из-за роста ее курса. При этом их издержки в национальной валюте, например, зарплата работникам, остаются постоянными. Как результат, прибыли, а вслед за ними и инвестиции в секторе торгуемых индустриальных благ снижаются.

В соответствии с консенсусным мнением среди исследователей, благодаря усилиям, приложенным именно в торговом несырьевом секторе, развиваются технологии, поэтому сокращение торгуемого несырьевого сектора приводит к сокращению масштаба этих усилий, и, как результат, технический прогресс замедляется. Как следствие, индустриальный сектор теряет свою конкурентоспособность, экономика испытывает процесс, обратный диверсификации. Как указывается в работе [14], снижение уровня диверсификации не может быть настолько сильным, чтобы экономика лишилась всех отраслей, дополняющих сырьевой. Однако какие-то отрасли национальной экономики, потеряв конкурентоспособность, могут все же покинуть мировой рынок. В случае снижения доходов сырьевого сектора в будущем, такая страна рискует столкнуться с масштабным снижением доходов и падением уровня жизни.

Рассказанная выше история, похоже, инспирирована эпизодами двух соседних развитых экономик — Нидерландов и Великобритании. Например, среди причин банкротства нидерландской компании Fokker в 1996 году некоторыми авторами (см., например, [15]) называется недостаточный масштаб производства и неспособность голландской компании конкурировать с крупными международными производителями гражданских самолетов. Один из крупнейших производителей авиационной техники первой половины 20-го века и создатель нескольких успешных моделей в начале второй половины 20-го века перестал существовать после 86-летней истории, а серьезные трудности начал испытывать еще в середине 1980-х годов. Сложно оценить, насколько эффект миграции производственных ресурсов из индустриального сектора в неторгуемый стало причиной трудностей Fokker и некоторых других голландских компаний. Однако в моделях, рассматривающих механизм голландской болезни (см, например, [16]) заметны черты именно развитых индустриальных экономик, такой как, например, экономика Нидерландов.

В частности, одним из свойств моделируемых экономик является полная занятость. Агрегированный по секторам труд равен всему запасу трудовых ресурсов в экономике: безработица в этих моделях часто не упоминается. Такое предположение действительно похоже на экономику Нидерландов в 1970 г., где, как уже упоминалось выше, безработных было всего 1.1% от рабочей силы. В такой ситуации резкий рост доходов в каком-либо секторе должен приводить к перераспределению занятых между секторами: ведь все трудовые ресурсы заняты, свободных резервов труда нет и если в результате шока в каком-то секторе нужно нанять больше работников, то это можно сделать только за счет сокращения уровня занятости в других секторах.

Однако полная занятость не является свойством типичной развивающейся экономики. В бедных странах большая часть населения, как правило, занята в сельском хозяйстве, где индивиды производят продовольствие, и где подушевой выпуск достаточен лишь для выживания производящих его экономических агентов. В таких странах есть значительные резервы труда, которые могут заполнить создающиеся или освобождающиеся рабочие места. Кроме того, в этих экономиках нет профсоюзов, которые могли бы ограничить предложение труда и конвертировать большой спрос на труд в повышение заработной платы и рост занятости членов

профсоюза.

Нередко, в этих экономиках индивиды готовы неэластично поставлять свой труд, а на одно рабочее место хотели бы занять сразу несколько кандидатов. В такой экономике потребность в перераспределении занятых из одного сектора в другой гораздо ниже, чем в стране с маленькой безработицей. Функция предложения труда в экономике с маленькой занятостью может выглядеть как горизонтальная линия, и сдвиг кривой спроса — это движение вдоль этой линии, приводящее к росту занятости, а не к росту зарплаты и перераспределению ресурсов. Как результат, в случае, если в ответ на развитие неторгуемого сектора работники начинают перебираться туда из индустриального сектора, их места могут быть заняты теми, кто не имеет работы. Как следствие, размер индустриального сектора остается неизменным. На это, конечно, можно возразить утверждением о том, что рабочие места могут быть защищены человеческим капиталом. Однако в глубоко развивающихся экономиках с низким уровнем технологий, от работников, как правило, требуется небольшой запас знаний для того чтобы выполнять свои обязанности. Впрочем, миграции из индустриального сектора в неторгуемый может не быть вообще, если новые рабочие места в неторгуемом секторе будут занимать в основном те, кто занимался сельским хозяйством ради выживания.

Кроме того, даже если предположить, что размер занятости в индустриальном секторе сокращается в результате ресурсного бума, есть основания сомневаться в том, что меньшая занятость в индустрии в бедной стране становится причиной сокращения числа инноваций. В простых производствах, где создается незначительная доля добавленной стоимости, продолжительные инновации скорее всего маловероятны. Кроме того, для многих сравнительно бедных стран развитие индустрии часто является расширительным: например, международные компании открывают там свои сборочные производства. Только когда рост за счет расширительного развития индустрии исчерпывается, технологическое развитие промышленности начинает играть более заметную роль.

Конечно, удорожание реального валютного курса может увеличить издержки производителей торгуемых несырьевых благ. Конкуренция на внешнем рынке, и, как результат, роль ценополучателя на мировом рынке, оставляет доходы экспортера индустриальных благ фиксированными, поэтому рост цен в национальной

экономике, увеличивая его издержки, становится причиной сокращения прибыли.

Однако вовсе не обязательно, что сокращение прибыли делает выпуск в этой стране невыгодным. Во-первых, изначально реальные переменные издержки для компаний в глубоко развивающейся стране могут находиться на крайне низком уровне, и при сравнительно небольшом их повышении эти издержки скорее всего все еще останутся на невысоком уровне.

Наконец, бедные страны испытывают значительный дефицит инвестиционных ресурсов. Их переговорные позиции на международном финансовом рынке крайне слабы. Не имея залога в виде достаточно больших валютных резервов или устойчивой экспортной экономики, гарантирующей значительные валютные доходы, таким странам сложно занять на международном рынке для развития инфраструктуры, вложения в человеческий капитал, улучшения качества институтов и т.д.

Такие экономики нередко экспортируют лишь сельскохозяйственные товары, а также товары самых простых индустрий и заработанных за счет экспорта доходов им часто не хватает для импорта даже базовых товаров, вроде медикаментов, техники и оборудования для предоставления самых необходимых общественных благ. Ресурсные доходы позволяют сделать инвестиции в общественные блага, транспортную и коммуникационную инфраструктуру, импортировать капитал для производства более качественных общественных благ, тем самым снизив издержки и национальных, и международных компаний, которые прежде могли отказываться от инвестиций в эту экономику из-за ее слишком низкого уровня развития, т.е. плохой инфраструктуры, низкого уровня безопасности, недостаточно квалифицированного труда и т.д.

Вероятно, ресурсный бум, а также рост экономической активности, связанный с реализацией инфраструктурных проектов, сопровождается повышением цен, но, как уже упоминалось, если переменные издержки находились на низком уровне, новый уровень цен все еще будет сравнительно невысоким. Кроме того, этот рост цен может быть компенсирован снижением расходов компаний на другие виды переменных издержек, а также на фиксированные затраты. Например, более высокий уровень безопасности, ставший результатом инвестиций в полицейские силы, может

снизить расходы компании на охрану. Более качественная система образования снижает затраты фирм на обучение сотрудников. Лучше развитая инфраструктура снижает инфраструктурные издержки предприятий, без которых невозможно начать производство.

Высокий уровень фиксированных, а также некоторых видов переменных затрат, вероятно, остается свойством экономики, у которой так и не появляется ресурсов для инвестиций в институты, инфраструктуру или образование.

Если свойствами сырьевой экономики являются низкий уровень безработицы и развитые индустрия и инфраструктура, то появление признаков голландской болезни в случае роста сырьевых доходов становится более вероятным. Но такими чертами, как правило, обладают экономики со средним уровнем дохода или еще более богатые. Таким образом, есть основания сделать заключение, что во многих работах, в которых идет речь о голландской болезни, например [17] или [18], рассматривается статическая экономика, в которой не отражен процесс накопления капитала в результате сырьевого бума. В то же время, ресурсное богатство может быть конвертировано в другие виды активов, в человеческий капитал, оборудование, инфраструктуру, ускоряющие темпы роста экономики.

Вероятно, когда размер экономики в результате экономического роста станет сравнительно большим и дальнейший ее рост за счет накопления факторов производства будет затруднительным, негативное влияние перераспределительных эффектов голландской болезни может проявляться сильнее. Однако в сравнительно бедной экономике доминирование положительного эффекта от ресурсного богатства, связанного с высокими темпами роста от накопления капитала, более вероятно. Иными словами, в терминах модели [19], когда экономика близка к долгосрочному равновесию, вероятность того, что стандартные механизмы голландской болезни начнут проявлять себя, сильнее, чем когда экономика находится в начале перехода к долгосрочному равновесию.

Вставка 1 - Эндогенный рост и Голландская болезнь

Мы дополняем анализ, проведенный в работе [20], путем включения

природных ресурсов в производство торгуемых товаров, R_T . В торгуемом и неторгуемом секторах наблюдается одинаковый рост трудоинтенсивной производительности, полностью определяемой долей труда в торгуемом секторе L_T . Производственные функции в обоих секторах в экстенсивной и интенсивной форме выглядят следующим образом:

$$X_T = F(L_T H, K_T, R_T) \text{ и } X_N = G(L_N H, K_N) \text{ при } H_t = (1 + \theta L_{T,t-1}) H_{t-1}, \theta > 0 \text{ и} \quad (4)$$

$$x_T = X_T / L_T H = F(l, k_T, r_T) \equiv f(k_T, r_T) \text{ и } x_N = X_N / L_N H = G(l, k_N) \equiv g(k_N)$$

Условия нулевой прибыли выглядят следующим образом:

$$1 = c_w(W, r, Q)W + c_r(W, r, Q)r + c_Q(W, r, Q)Q \text{ и } d_w(W, r)W + d_r(W, r)r = P, \quad (5)$$

где W – заработная плата, r – экзогенная мировая процентная ставка и $c(.)$ и $d(.)$ - unit-cost функции однородные первой степени, ассоциированный с производственными функциями с постоянной отдачей от масштаба (constant returns to scale, CRTS) $G(.)$ и $F(.)$. Они позволяют получить цену неторгуемых товаров P и заработную плату W в терминах мировой процентной ставки r и мировой цены на природные ресурсы Q . Равновесие рынка капитала достигается при $Pg(k_N) = f(k_T, r_T) = r$ и, наряду с условием $f_r(k_T, r_T) = Q$ позволяет получить k_N , k_T и r_T в терминах r и P (или Q). Сокращая r , мы получаем, что $r_T = r_T(Q)$, $r_T' < 0$ и

$$W = W(Q), P = P(Q), k_N = k_N(Q) \text{ при } P' = d_w W' = -c_Q / c_w < 0 \text{ и } k_N' = -g' P_Q / g'' < 0 \quad (6)$$

Заработная плата и цена неторгуемых товаров снижаются при росте мировых цен на природные ресурсы. Последнее провоцирует снижение капиталоемкости в неторгуемом секторе. Перекрывающиеся поколения с логарифмической полезностью и дисконт-фактором $1/(1+\rho) < 1$ имеют заработную плату w в молодом возрасте и получают дивиденды от природных ресурсов e на единицу эффективного

работника. Из этого следует, что совокупное потребление на единицу молодого эффективного работника выглядит как

$$c_{Nt} = \left(\frac{\mu}{P(Q_t)} \right) \left(\frac{1+\rho}{2+\rho} \right) \left[W_t + Q_t e_t + \left(\frac{1+r_{t-1}}{(1+\rho)(1+L_{Tt-1})} \right) (W_{t-1} + Q_{t-1} e_{t-1}) \right] = (1-L_{Tt}) g(k_N(Q_t)), \quad (7)$$

где μ обозначает относительный вес (и долю в бюджете) неторгуемого потребления в полезности. Множитель $(1+L_{Nt-1})$ необходим для перехода от старых к молодым работникам, множитель $(1-L_{Nt})$ – для перехода от подушевого выпуска работников к подушевому выпуску молодых работников в неторгуемом секторе; данные множители выводятся из условия равновесия ранка труда $L_{Tt} + L_{Nt} = 1$. Данное условие для равновесия рынка неторгуемых товаров может быть записано как стабильное дифференциальное уравнение

$$L_{Tt} = \Omega(L_{Tt-1}, e_t, e_{t-1}, Q_t, Q_{t-1}), \text{ где } 0 < \Omega_1 < 1, \Omega_i < 0, i=2,3,4,5.$$

Рост ресурсных дивидендов приводит к постепенному перетоку занятости из неторгуемого в торгуемый сектор (L_T сокращается), таким образом, обучение на собственном опыте (человеческий капитал) сокращается и темп экономического роста постоянно снижается (падает $((N_t - N_{t-1})/N_{t-1})$). В данной системе ресурсные дивиденды не могут влиять на относительную производительность. Если эти дивиденды обусловлены более высокой мировой ценой на ресурсы, обесценение реального обменного курса и более низкая капиталоемкость производства неторгуемых товаров приводят к еще большему снижению занятости, человеческого капитала и темпов экономического роста в торгуемом секторе. ВВП определяется как $Qe + WH + r(K_T + K_N) = QE + (W+r)N[k_N + L_T(k_T - k_N)]$. Следовательно, ВВП растет с темпом $\xi \theta L_T$, где ξ - доля ВВП, не обусловленного ресурсами. Ненефтегазовый ВВП падает после шока в Qe_1 , если торгуемый сектор является капиталоемким, то есть $\partial GDP / \partial(Qe_1) = 1 + (W+r)N_1 (\partial L_{T1} / \partial(Qe_1)) (k_T - k_N) < 1$, поскольку $\partial L_{T1} / \partial(Qe_1) < 0$.

Источник: [37]

Вернемся ненадолго к более развитым экономикам с маленькой безработицей. Гарантирует ли высокий уровень занятости появление признаков голландской болезни, если власти не предпринимают стандартных усилий, целью которых является смягчение проявлений голландской болезни? Вероятно, это ожидаемый, но не гарантированный результат. Предположим, что в экономике слабо развита или вовсе отсутствует индустрия. В таком случае, голландская болезнь может проявиться в том, что производства в такой стране сложно будет создать, например, из-за высоких издержек труда. Чуть выше была описана ситуация с низким уровнем занятости, в которой ресурсные доходы вряд ли могли бы навредить, потому что предложение труда значительно превышало спрос на него, что оставляло равновесный уровень зарплат и, как результат, издержки труда, на низком уровне. Теперь же можно предположить, что экономику буквально завалило ресурсными доходами. Как следствие, резервный уровень зарплат увеличился в несколько, возможно, в десятки раз. Власти такой страны самыми разными способами могут распределять ресурсные доходы среди граждан. Например, правительство может открывать для них рабочие места в секторе государственных услуг или выплачивать прямые дотации.

Пример такого государства — Объединенные Арабские Эмираты, где молодые люди, получив дипломы, стремятся стать госслужащими. Казалось бы, в такой ситуации проявление голландской болезни неизбежно: как привлечь промышленный капитал, международных производителей, если труд в такой стране дорогой, а рабочая сила привыкла к офисной, а не индустриальной работе? Из-за высоких издержек труда такие страны едва ли могут рассматриваться международными компаниями как лучшее место для инвестирования. Однако проблему высоких трудовых расходов можно решить. Например, нанимая иностранных граждан из бедных стран в качестве работников для индустриальных компаний и ограничивая их в перемещении на национальном рынке труда. Фактически, ресурсное государство становится немного похожим на тот пример, где речь шла о бедной экономике с большим количеством безработных. Разрешая трудовую миграцию из бедных стран, ресурсно-богатая экономика увеличивает размер рабочей силы, которая получает доступ на ее рынок труда, а ограничения на мобильность иностранной рабочей силы

между секторами оставляет размер резервной заработной платы иностранных рабочих из бедных стран низкой: ведь они, например, не могут стать высокооплачиваемыми госслужащими в экономике-реципиенте и главная альтернатива их работе в ресурсно-богатой экономике - возвращение домой.

Как уже говорилось выше, в Объединенных Арабских Эмиратах молодые люди стремятся работать в секторе государственных услуг и власти эмиратов прикладывают усилия для того, чтобы увеличить их участие в частном секторе (см., например, [21]). Разумеется, последняя мера может оказаться нужной, например, в ситуации, когда сырьевые доходы снизятся и граждане Эмиратов начнут терять работу в госсекторе. Тогда они могут найти работу в частном секторе, если для этого у них достаточно человеческого капитала. Однако ни существование сегментированного рынка труда во время ресурсного бума, когда граждане ресурсно-богатого государства получают высокие зарплаты в госсекторе, а иностранцы из бедных стран работают в индустрии за гораздо меньшее вознаграждение, ни ситуация сырьевой рецессии, когда граждане начинают терять работу и конкурируют с приезжими, не делают невозможными низкие издержки труда в ресурсно-богатой экономике с высоким уровнем занятости. Однако если ресурсно-богатая страна не открывает свой рынок труда для иностранной рабочей силы из бедных стран, целиком полагаясь на собственные резервы труда, при этом экономика близка к состоянию полной занятости, то увеличения стоимости труда едва ли удастся избежать, если не предпринять стандартных мер, направленных на сдерживание роста трудовых доходов.

Подводя итоги, проявления голландской болезни, о которых часто упоминается в литературе - перераспределение факторов производства и снижение темпов развития технологий - имеют больше шансов проявиться в сравнительно развитых экономиках. В менее развитых странах, где запасы физического и человеческого капитала, качество институтов, уровень инфраструктуры, а также занятость, как правило, остаются невысокими, доходы от природных ресурсов могут оказать положительный эффект, если будут конвертированы в накопление капитала, а также решение институциональных и инфраструктурных проблем экономики (см. также Вставку 2, в которой описаны краткосрочные эффекты Голландской болезни на безработицу).

Вставка 2 - Безработица и Голландская болезнь

Более высокая мировая цена на природные ресурсы ввиду наличия краткосрочных номинальных жесткостей оказывает существенное воздействие на безработицу и инфляцию ([22]; [23]; [24]). Несмотря на то, что высокая цена на нефть повышает спрос на внутренние промышленные товары, этот эффект может быть подавлен реальным повышением обменного курса как следствие повышенного спроса на отечественную валюту. Результатом может стать снижение внутреннего промышленного производства и рост безработицы, а также временное повышение инфляции. Шок цен на нефть содержит элементы как шока спроса, так и шока предложения, однако, прирост запасов ресурсов это, главным образом, шок спроса. Открытия месторождений природных ресурсов генерирует постоянные эффекты дохода, выходящие далеко за пределы жизненного цикла нового месторождения. Первоначальный рост доходов выше их постоянного (устойчивого) уровня приводит к профициту счета текущих операций, однако, возвращается к своему первоначальному значению, когда запасы иссякают. Сверхдоходы от природных ресурсов не обязательно подразумевают сжатие экспорта или производства продукции обрабатывающей промышленности и росту безработицы, но, если сверхдоходы являются ожидаемыми, произойдет укрепление реального обменного курса, а безработица будет расти опережающими по сравнению с сырьевыми доходами темпами. Другие подходы к моделированию эффектов голландской болезни и безработицы основаны на совершенном предвидении, межвременных моделях общего равновесия с временной жесткостью реальной заработной платы, долгосрочной мобильностью капитала между секторами, международной мобильностью капитала, промежуточными затратами, издержками приспособления инвестиций, динамикой накопления капитала государственным долгом, дисбалансами счета текущих операций и дальновидным поведением фирм и домашних хозяйств ([25]). При предпосылке о перекрывающихся поколениях или ограничениях ликвидности домохозяйств, большое значение имеет то, использует ли правительство сверхдоходы от ресурсов для снижения государственного долга или увеличения трансфертов. Шоки цен на нефть, таким образом, приводят к укреплению реального обменного курса и временной безработице. Представляет интерес дальнейшее исследование влияния ресурсной зависимости на формирование

заработной платы на конкурентных и неконкурентных рынках труда ([26]; [27]).
Несовершенства рынка капитала могут также иметь негативные последствия для экономического роста при ресурсном буме. Например, если доходы от природных ресурсов не могут быть инвестированы на международных рынках капитала, в богатых ресурсами странах может наблюдаться более медленный стационарный рост, поскольку люди живут не по средствам и выходят за пределы своего стационарного равновесия ([28]).

Источник: [37]

Институты и фонды природных ресурсов

Опираясь на рассуждения, сделанные выше, можно предположить, что для бедных экономик с большой долей безработных, плохо развитой инфраструктурой и маленькой индустрией основная опасность для развития заключается не в действии механизма голландской болезни, а в других причинах, например, в ухудшении институциональной среды. В более развитых экономиках рост ресурсных доходов может привести к более масштабному эффекту от действия механизма голландской болезни. Кроме того, и в сравнительно развитой стране, как и в бедных экономиках, вред экономике может быть нанесен за счет ухудшения качества институтов.

Одним из механизмов эффективного использования доходов, полученных от продажи нефти, являются Фонды природных ресурсов (ФПР), которых создаются в целях аккумуляции доходов от продажи ресурсов и рациональному расходованию этих средств.

Как говорилось выше, достаточно нефтяному буму смениться сырьевой стагнацией или рецессией, как уровень жизни в экономике начинает снижаться. Фонды призваны сбалансировать доходы, полученные от продажи ресурсов и госрасходы. Казалось бы, такой простой механизм способен обезопасить ресурс зависимые страны от голландской болезни. Однако не всегда наличие таких фондов приводит к лучшему управлению природными ресурсами.

В рамках данной секции предлагается рассмотреть причины неэффективности ФПР, а также теоретические рекомендации по усовершенствованию политэкономической стратегии для стран с сырьевой экономикой.

Эффективная бюджетная политика может проводиться в стране и в отсутствие фондов природных ресурсов. Наличие таких фондов не может мотивировать правительства изменить экономическую стратегию. Но при этом формализованные процедуры (например, правила, лимиты расходов средств фонда), предусмотренные уставом фонда, могут влиять на стимулы политиков к приобретению политической поддержки за счет более высоких государственных расходов. Однако если стимулы остаются неизменными, то наличие фонда не сможет повлиять на фискальную политику. Значительные расходы сырьевых стран обусловлены тем, что власть пытается потратить средства как можно быстрее, чтобы пришедшие им на смену политики не могли их ограничить. Накопление средств для будущих поколений зависит только от компромисса, на который могут пойти заинтересованные властные группы, согласившиеся ограничить собственные расходы. Однако подобные договоренности возможны лишь при наличии соответствующих политических институтов. Институциональная среда должна обеспечивать высокий уровень предсказуемости политики (как это происходит, например, в Норвегии).

Макартен Хамфрис и Мартин Е. Сандбю [30] пытаются ответить на вопрос, способен ли ФПР улучшить институциональную среду и характер фискальной и бюджетной политики. Однако авторы считают, что создание ФПР способно привести к прямо противоположным результатам. Такое происходит в том случае, если политические стимулы создания ФПР перестают отвечать цели. При создании ФПР необходимо учитывать политико-экономический контекст, в котором они будут существовать. Авторы ставят перед собой цель описания эффектов, которые может повлечь за собой создание ФПР.

Сторонники идеи объясняют создание ФПР необходимостью выравнивая доходов. Доходы от ресурсов нестабильны, что обусловлено волатильностью мировых цен на ресурсы в краткосрочной перспективе. Это порождает ряд проблем для фискальной политики: при высоких ценах на нефть бюджеты верстаются под большие расходы, в случае резкого падения цен правительствам приходится в срочном порядке сокращать социальные обязательства, что может повлечь за собой социально-политические риски. Также природные ресурсы конечны, и получение сверхдоходов от продажи сырья не может быть бесконечно, поэтому существует

необходимость накопления выигрыша от ресурсов в пользу будущих поколений. Этим двум целям – стабилизации и накоплению – служат ФПР.

Как правило, выигрывают те страны, которые разделяют стратегию расходов от схемы доходов и реализуют фискальную политику, предусматривающую накопление для будущих поколений. Среди успешного опыта создания ФПР можно назвать Постоянный фонд Аляски (1976 г.) и Норвежский государственный нефтяной фонд (1990 г.). Среди более поздних примеров создания ФПР: Азербайджан создал Государственный нефтяной фонд в 1999 г., Казахстан – Национальный фонд в 2001 г., Восточный Тимор – Нефтяной фонд по норвежской модели [30].

Формально Фонды преследовали цель накопления средств во время высоких цен на энергоресурсы, стабилизации госрасходов. Однако на самом деле создание ФПР никак не сказалось на изменении фискальной политики. Анализу воздействия ФПР на связь между госрасходами и изменением доходов посвящена работа Дэвиса, Оссовски и Феделино [29]. В результате эконометрического анализа исследователи приходят к выводу, что некоторые страны, имеющие ФПР, менее зависимы от падения ресурсных доходов, чем страны, где ФПР не создавались. Однако анализ исторической ретроспективы показывает, что низкая чувствительность к изменению ресурсных доходов была свойственна этим странам еще до появления ФПР.

Политэкономические стимулы, препятствующие накоплению природной ренты

Для того чтобы найти институциональные решения, способствующие созданию благоприятной для страны стратегии расходов, необходимо понять, какими стимулами руководствуются политики и политические силы при выборе бюджетной политики. Почему политическая власть предпочитает сразу потратить средства, вырученные от продажи ресурсов, а не аккумулировать их на случай ухудшения экономической ситуации.

Пребывание политиков у власти в странах с сырьевой экономикой обеспечивается за счет больших госрасходов. Существующие политические и экономические институты воспроизводят модель больших социальных расходов. По сути политическая конкуренция определяет структуру бюджета. Каждое

правительство, принимая бюджет, понимает, что ему на смену придет другое правительство, и что «откладывание» денег не гарантирует им траты в будущем. То есть, правительство стоит перед выбором – распределить сверхдоходы, полученные от продажи ресурсов, равномерно по времени, либо потратить все и как можно скорее. Условия политической нестабильности диктуют правителям совершенно другие правила рациональности. «Правительство, находящееся у власти, вырабатывает благоприятную для себя стратегию расходов, предусматривающую траты сегодня, но если к власти придет другая группа, она будет распределять завтрашние средства в соответствии со своими предпочтениями» [30].

По мнению авторов, конфликт интересов в ходе борьбы за власть приводит к неэффективному расходованию средств. Действующие правительства стремятся максимально удовлетворить свои интересы и потребности своего электората до своей отставки. Как предполагают авторы, преодолеть неэффективное расходование способен договор о неиспользовании в полной мере преимущества в период пребывания у власти. Эффективность в целом может быть повышена за счет предсказуемости процесса распределения ресурсов.

В качестве институциональной формы ограничения расходов правительств может стать ФПР. Причем, по мнению авторов [30], этот институт должен предусматривать гарантии действующему правительству относительно ограничения распределения благосостояния при смене власти (ограничить стремление нового правителя распределять блага в пользу своего электората за счет электората предыдущего правителя).

Именно учет этого условия позволяет снизить риски игнорирования формальных процедур, заложенных в ФПР. Для достижения стабильного расходования средств необходимо учитывать не только ограничение объема расходов, но и предмет расходов (на что они могут быть потрачены).

Высокие расходы обусловлены также тем, что получив власть, политическая сила будет стремиться увеличить количество госслужащих в целях расширения электоральной поддержки [31]. В своей работе Робинсон и соавторы [31] приходят к выводу, что для обеспечения более прочной поддержки путем раздувания аппарата госслужащих правители идут на резкое увеличение добычи полезных ископаемых.

Ограничить расходование средств в странах с сырьевой экономикой позволяет повышение прозрачности бюджетного процесса. Поскольку в условиях прозрачности легче осуществить эффективный мониторинг и усилить дисциплину расходов через участие со стороны гражданского общества.

Также нельзя не исключить стремление извлечь личную выгоду из возможности распределения ресурсов. Например, увеличение бюджета создаст больше возможности для патронажа. Этот эффект усиливается в случае короткого пребывания политика у власти.

Таким образом, стимулы к увеличению госрасходов основаны не на иррациональных импульсах, а на простой логике. Одним лишь ограничением расходов эти стимулы невозможно преодолеть. Они требуют выработки скоординированных действий между преемниками власти.

Стимулы к повышению расходов будут более сильны в тех странах, в которых существует сильное социально-экономическое неравенство и политическая нестабильность. То есть, повышение расходов обеспечивает элите пребывание у власти. Причем особенно ощутимо такое явление в странах, в которых значительная часть общества живет в бедности и получает социальные трансферты от государства. За счет увеличения расходов правители решают проблему расширения собственного электората. В условиях недостаточности информации у населения нет возможности контролировать расходы политиков [31].

В своей работе Макартен Хамфрис и Мартин Е. Сандбю [30] проверяют следующую гипотезу: отсутствие контроля расходов приводит к тому, что правительства, стоящие у власти предпочитают увеличивать расходы, а не накапливать доходы от продажи ресурсов. Авторы строят простую эконометрическую модель госрасходов на примере нефтезависимых стран, в которой изменения в потреблении сравниваются с индикаторами доходов от продажи нефти. Эконометрический анализ показал, что ощутимой корреляции между годовыми изменениями в нефтяных доходах и валовым госпотреблением не обнаружено.

Однако когда авторы начинают учитывать переменную, отражающую степень ограничения политической власти в стране системой сдержек и противовесов [32], картина несколько меняется: корреляция между силой институциональной среды и

влиянием доходов от нефти на государственные расходы оказывается ощутимо значимой.

В результате авторы делают вывод о том, что в странах с сильными институтами, которые сдерживают свободу политической власти, расходы слабо зависят от волатильности цен на нефть. Напротив, в странах, в которых отсутствует сильная система сдержек и противовесов ощутима зависимость госрасходов от нефтегазовых доходов. Авторы посчитали, что при увеличении цен на нефть вдвое госрасходы растут в среднем на 9,2% в год.

Политические последствия

Зачастую политические решения не соответствуют экономической логике. И стимул к повышению госрасходов в тучные годы высоких цен на нефть тому подтверждение. Однако Макарген Хамфрис и Мартин Е. Сандбю [30] отмечают, что именно изменение институциональной среды способно стимулировать власть к экономной бюджетной политике. Таким политэкономическим институтом может служить ФПР. То есть, создание ФПР должен преследовать не экономические цели, а политические – дисциплинировать политиков и ограничить их в чрезмерных тратах. Если этой цели не ставить при создании ФПР, то смысл в нем теряется, и в существовании этой формализованной процедуры не будет необходимости. Авторы возлагают надежды на ответственность агентов, уполномоченных проводить политику расходов. Агенты должны призывать политиков проводить оптимальную стратегию расходов.

Авторы уточняют, что структура и принципы ФПР в разных странах будет разной, поскольку должны учитываться политэкономические условия. Хамфрис и Сандбю [30] на общем уровне определяют три типа институциональных механизмов, которые могут стать той институциональной основой, которая позволит ограничить политические стимулы увеличения государственных расходов:

- ФПР на основе правил. Повысить преимущество политического курса различных правительств позволяют утвержденные нормы и правила, которые определяют размер и предмет расходов.
- ФПР может предусматривать разделение полномочий по принятию решений между различными политическими группами. Например, авторы предлагают

разделить полномочия по определению объема расходов и полномочия по распределению расходов.

- ФРП должен быть прозрачен, что определяет подотчетность правительства.

Остановимся подробнее на конкретных институциональных механизмах, предлагаемых Макартеном Хамфрис и Мартином Е. Сандбю.

Правила как форма институционального ограничения

Правила способны ограничить чрезмерное расходование доходов, полученных от продажи природных ресурсов. Большинство ФПР действуют на основе правил, которые не позволяют правительствам тратить свободно средства Фонда. Это и отличает Фонд от бюджета, который находится в полном распоряжении правительства. Правила могут нести в себе как количественные ограничения, так и качественные. Рассмотрим преимущества и недостатки двух форм правил.

Количественные ограничения

ФПР может предусмотреть правила, ограничивающие объем расходов средств, полученных от продажи природных ресурсов. Зачастую объем определяется по формуле, определяющей максимально допустимый уровень расходов. Формула выражается в виде функции от цены на сырье и ее отклонений от некоторого контрольного уровня. В других случаях правила представляют собой функцию от уже накопленных средств Фонда, а не общей стоимостью природных ресурсов.

Правила могут быть жесткими: в этом случае формулы расчетов законодательно или конституционально закреплены (как, например, это сделано в Сан-Томе и Принсипи и на Аляске).

Правила могут быть жесткими: они отражают политику правительства или рекомендации относительно ограничения расходов (например, в Норвегии и Восточном Тиморе).

Ниже в сводной таблице приведен международный опыт закрепления правил относительно расходов средств, полученных от продажи ресурсов.

Таблица 1 - Правила, регулирующие расходование ФПР

Страна	Способ формирования фонда	Ограничения по объему расходов	Ограничения по статьям расходов
Норвегия	Все доходы от ресурсов поступают в фонд	Существует негласное правило среди политиков – не тратить в год более 4% остатка Фонда. Парламент при этом не ограничен	Дефицит бюджета (с одобрения парламента)
Восточный Тимор	Все доходы от ресурсов поступают в фонд	По формуле рассчитывается сумма, которая должна оставаться неприкосновенной	Дефицит бюджета (с одобрения парламента)
Сан-Томе и Принсипи	Все доходы от ресурсов поступают в фонд	По формуле рассчитывается сумма, которая должна оставаться неприкосновенной. Однако существует исключение для переходного периода.	«Излишки» Фонда направляются в бюджет и используются в целях развития
Аляска	В фонд направляется фиксированная часть годового объема нефтяных доходов	Законодательно установлено формула, по которой рассчитывается объем расходов	Идет гражданам в виде дивидендов.

Источник: [30]

Правила ограничивают гибкость политиков в принятии политических решений. Например, в условиях кризиса правительству будет труднее обосновать необходимость увеличения расходов на непредвиденные обстоятельства. Однако это является платой за стабильность в условиях резкого снижения цен на энергоносители. Как говорилось выше, количественных ограничений может оказаться недостаточно. Поскольку нормативное закрепление границ расходов не предотвращает от нецелевого расходования. Другими словами, тот объем средств, который разрешен для расходов, может направляться на удовлетворение личных потребностей правителей и их электората. Поэтому Хамфрис и Сандбю предлагают наряду с количественными правилами предусматривать также качественные [30].

Качественные ограничения

Правила также могут предусматривать направления, на которые могут быть потрачены средства Фонда. Например, в Эквадоре «излишки» (средства, полученные после продажи нефти по ценам, выше заложенных в бюджете) направляются в соответствующие фонды, которые распоряжаются ими. Распределение средств по статьям расходов осуществляется в соответствии с законом. Например, в 2002-2005 году в Эквадоре существовал Фонд по стабилизации. Ресурсы этого Фонда должны были тратиться на снижение госдолга (70%), на зарплату госслужащих и чрезвычайные расходы (20%), на здравоохранение и образование (10%). Объем расходов определялся соответствующим указом президента [33].

ФПР Республики Чад предусматривает фиксированное распределение нефтедолларов между приоритетными отраслями – здравоохранение и образование (такое правило действовало до 2006 года). В соответствии с законом штата Аляска, 50% прибыли на капитал Фонда должны распределяться среди всех жителей Аляски на подушевой основе [26].

Однако во многих странах формулировки, заложенные в Уставах Фондов, настолько расплывчаты, что не способны предотвратить от нецелевого расходования средств.

Хамфрис и Сандбю предупреждают, что формализация правил, вводящие как количественные ограничения, так и качественные, может не дать желаемого эффекта, если у политиков не будет отсутствовать стимул к нарушению этих правил. То есть, правила ограничивают стимул политиков к излишнему расходованию средств, но если существует стимул нарушать нормы, то нет никакого смысла в формализации правил.

Проблема стимулов к тому, чтобы следовать правилам, имеет системный характер, поскольку она затрагивает инвестиционную политику, экономическое планирование, и открытость процесса принятия управленческих решений. Например, правительство, ответственное за развитие, должно оценивать политические риски нецелевого расходования средств и нарушения правил. Экономические выгоды от инвестиций в приоритетные отрасли должны превалировать над сиюминутным политическим решением повысить нецелевые госрасходы. Оценить экономические выгоды от следования правилам в пользу

экономического благополучия в будущем позволяет долгосрочное стратегическое планирование.

Разделение полномочий

Как говорилось выше, наличия одних лишь формализованных правил может оказаться недостаточно, в силу стимулов у политиков нарушать правила. Как правило, санкции за нарушение правил для политиков не существует, поэтому для изменения действующих стимулов необходимы другие механизмы. Одним из таких механизмов может служить разделение полномочий между несколькими группами с частично совпадающими или расходящимися интересами. Предусмотренная процедура разделения полномочий позволяет достичь компромисса, выработать взаимовыгодные условия и сгладить разногласия, которые могут спровоцировать новый виток неэффективного расходования средств.

Распределение полномочий может иметь форму либо предоставления равного статуса нескольким группам интересов в процессе принятия решений, либо предоставления другим неправительственными организациями роли наблюдателей, имеющие полномочия контроля за распределением средств Фонда.

Распределение политических полномочий

Рассмотрим пример с Норвегией, где политическая оппозиция довольно сильна, а избирательная система зачастую приводит к образованию правительству меньшинства – разделение законодательной и исполнительной власти фактически соблюдается. Фонд управляется Банком Норвегии и Минфином, а распределяется по решению парламента [34]. Однако подобный механизм может не работать в тех странах, где нет сильной оппозиции, которая может оказывать влияние на решение парламента. Поэтому принцип разделения полномочий может принять другие формы:

- Получение одобрения решения о расходах со стороны квалифицированного большинства в законодательном органе.
- Разрешение расходов со стороны оппозиции (в этом случае главная оппозиционная партия должна ежегодно подписывать решения о расходах ФПР).
- Предоставление разным уровням исполнительной власти права принимать решение об объеме расходов и статьях расходов. Например,

вопрос об объеме расходов может решаться на федеральном уровне, а вопрос о том, на какие направления следует потратить, должен решаться на региональном и местном уровнях власти.

Делегирование полномочий неправительственным организациям

Одной из форм ограничения стимулов политиков может послужить делегирование полномочий тем организациям, которые не заинтересованы в чрезмерных расходах. Такими организациями могут выступать независимым агентствам или представителям гражданского общества.

Институциональная независимость может быть обеспечена следующими формами:

- ФПР может иметь статус юридического лица и быть институционально независимым. Например, Фонд штата Аляска является самостоятельной госкорпорацией.
- Предоставление суду полномочий проверять соответствие правилам решений по расходам.
- Создание специальной структуры по контролю за расходами, которая не подотчетна правительству. Например, такая практика существует в Сан-Томе и Принсипи. Такие функции может выполнять Центральный банк в случае его независимости от исполнительной власти.
- Привлечение гражданского общества к мониторингу за расходование средств Фонда (Сан-Томе и Принсипи, Республика Чад).
- Мониторинг расхода средств может осуществлять банк, обслуживающий ФПР. Банк заинтересован в соблюдении условий контракта и не имеет стимулов к чрезмерному расходованию, которые могут быть у правительства.

Однако в этом механизме кроется ряд противоречий. С одной стороны, правительствам стран с сильными институтами гражданского общества не выгодно делегирование полномочий по распределению доходов ФПР, поэтому ФПР будет управляться централизованно. Например, в соответствии с правилами ФПР в Азербайджане и Казахстане решение по расходам принимаются президентом. С

другой стороны, в странах со слабыми институтами формализация правил и процедур ФПР не приведет к четкой их имплементации в силу наличия у чиновников стимулов к нарушению правил в пользу своих личных интересов. То есть, даже создание независимого органа по контролю не может выступить противовесом существующей власти. Например, в Республике Чад была создана комиссия по надзору, которая не получала достаточного финансирования, в результате чего не могла полноценно функционировать [35].

Хамфрис и Сандбю [30] предлагают также в качестве институционального механизма привлечение третьей стороны. Разделение полномочий проблематично из-за того, что в бедных странах могут возникнуть сложности с сильными независимыми институтами. Зачастую даже банки не могут использоваться в качестве независимых институтов, поскольку они могут испытывать давление со стороны правительства. В этой ситуации авторы предлагают предусмотреть передачу часть политико-экономической деятельности по контракту третьей стороне, например, иностранным финансовым институтам, которые возьмут на себя функцию управления средствами фонда, в целях предотвращения чрезмерного расходования средств.

Хамфрис и Сандбю [30] предлагают создать глобальную клиринговую палату, которая занималась бы контролем доходов и расходов фондов природных ресурсов. В функции палата мог бы входить контроль за соблюдением обязательств по лимитам расходов средств. Возможен также альтернативный контракт с клиринговой палатой, которая следила бы за соблюдением процедур, в частности, осуществление выплат на основе наличия разрешения со стороны нескольких ветвей власти или с согласия независимого надзорного комитета.

Также глобальная клиринговая палата могла бы взять на себя обязательство не производить выплаты из ФПР новым правительства, которые пришли к власти неконституционным путем.

По мнению авторов, глобальная клиринговая палата способна противостоять попыткам правительств изменить правила, ограничивающие расход нефтегазовых доходов.

Прозрачность

Рассмотренные выше механизмы качественного и количественного ограничения чрезмерных расходов так или иначе способствует повышению прозрачности. При включении дополнительных институтов распределения полномочий возрастает давление со стороны акторов, участвующих в принятии решений по расходам.

Вместе с тем ФПР может предусматривать дополнительные процедуры предоставления информации обществу в целях повышения открытости механизма распределения ресурсов. Прозрачность позволит более эффективно управлять ФПР и осуществлять контроль за действиями политиков.

Прозрачность может быть обеспечена двумя способами: обнародование операций и принятие унифицированных бюджетов.

Обнародование операций

Публикация отчетов и расходах и доходов должна осуществляться в двух направлениях – со стороны ФПР и со стороны ведомств и корпораций, которые так или иначе зависимы от нефтегазовых доходов. Однако для обеспечения прозрачности необходимо улучшение институциональной среды. Например, в контракт с корпорациями можно включить требование о публикации сведений обо всех платежах. Причем, необходимо также предусмотреть санкции за отсутствие публикаций. Например, аннулирование контрактов, как это было сделано в Сан-Томе и Принсипи. Также информация об операциях ФПР должна подвергаться аудиту, который должны проводить независимые агентства (Коллегия по контролю в Республике Чад [35]).

Вместе с тем, как предлагают Хамфрис и Сандбю [30], независимые аудиторские агентства могут быть как национальными, так и международными. При этом авторы считают, что контроль со стороны международных организаций за расходами национальных ФПР не наносит ущерб суверенитету государства, поскольку такой контроль будет способствовать более эффективному расходованию средств и повышению благосостоянию населения, что также выгодно действующим правительствам.

Унифицированные бюджеты

Введение в процесс контроля за расходованием средств ФПР множества институтов, отражающих принцип разделения полномочий по принятию решений,

может привести к тому, что потоки отчетной информации могут способствовать усложнению бюджетного процесса. Поэтому очень важным является сохранение ясности процесса взаимодействия между структурами. Минимальным условием для достижения этой цели может послужить наличие единого бюджета государственных расходов. Для сохранения сбалансированности государственной финансовой системы важно, чтобы ФПР не имел отдельного бюджета расходов, а переводил нефтяные средства непосредственно в государственный бюджет. То есть распределение нефтегазовых доходов должно осуществляться только в рамках бюджета, а не в его обход.

Прозрачность позволяет справиться еще с одной ключевой проблемой, затрудняющей использование ФПР, - перевод средств между статьями. Здесь подразумевается ситуация при наличии ограничений ФПР у политиков могут возникнуть стимулы к перерасходу других статей бюджета, которые выведены из-под институциональных правил ФПР. Однако чем больше средств находится под ограничением, тем меньше доступно средств, способных негативно сказаться на общем ограничивающем воздействии на расходы. В идеале институциональные решения проблем политической экономии (контроль и прозрачность) должны применяться ко всей системе финансов, а не только к тем, которые касаются нефтегазовых доходов. На практике локальные реформы провести легче, чем общее. Поэтому ФПР может стать возможностью создания пространства внутри государственного сектора, в котором могут быть запущены эффективные механизмы.

Таким образом, основной причиной, по которой ФПР не справляются с задачей по улучшению фискальной политики в ресурсозависимых странах, является игнорирование проблемы благоприятной институциональной среды при создании фондов. Однако стимулы политиков, сформированные в условиях борьбы за власть и диктующие прибегать к большому расходованию средств для поддержания собственного электората, могут негативно сказаться на бюджете страны. Негативные эффекты от стимулов политиков усиливаются в условиях глубокого политического раскола в обществе. В этом случае пришедшие к власти новые политики стремятся тратить максимальный объем средств, полученных от продажи сырья. При этом политики не заботятся о будущих поколениях и об ухудшение экономической

конъюнктуры. Также негативные эффекты усиливаются из-за слабых институтов и чрезмерной концентрации политической власти.

Вместе с тем, ФПР нельзя рассматривать в качестве универсального рецепта от всех проблем. Поскольку, с одной стороны, в странах, где существуют сильные институты, дополнительный контроль за расходом средств в виде ФПР не нужен. С другой стороны, в странах со слабыми институтами эффективному функционированию ФПР будут мешать политические стимулы власти, которая будет стремиться обходить формальные правила ФПР в целях сохранения статус-кво расходов.

Итак, вероятно, для многих бедных стран с большим уровнем безработицы канал воздействия ресурсных доходов, скорее всего, связан с ухудшением качества институтов. Высокие доходы от продажи сырья помогают демонтировать систему контроля за действиями власти. Используя доходы от экспорта ресурсов, можно установить контроль над всеми ветвями власти, полностью консолидировав власть в своих руках и, таким образом, снизить риски потери власти. Далее эту власть можно использовать для нейтрализации угроз режиму. Результатом нейтрализации контроля за действиями режима становится значительный рост возможности использовать доходы от природных ресурсов по своему собственному усмотрению. Ни проявления экономической коррупции, ни использование доходов для консолидации и поддержания власти часто не могут быть не только проконтролированы, но и обнаружены. Природное богатство увеличивает свободу исполнительной власти, от решений которой может, в ситуации отсутствия политического баланса, полностью зависеть эволюция во всей экономике.

Глава 2 Эмпирический анализ роли наличия запасов природных ресурсов на темпы экономического роста в России

2.1 Описание базы данных

Мы также провели исследование, в котором попытались установить связь между нефтяным богатством и темпами экономического роста. Мы позаимствовали исторические данные о подушечном уровне ВВП из базы данных Мэддисона, профессора экономической истории, занимавшегося оценкой данных об уровне подушевых доходов в прошлых столетиях. Подробнее об этой базе данных можно узнать, проследовав по следующей ссылке <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm>.

Мы собрали данные об экономическом росте в 113 странах с 1970 года по 2010 год. В качестве объясняемой переменной мы использовали показатель средних темпов роста экономики с 1970 по 2010 год для 113 стран. Мы выбрали 1970 год в качестве начального периода потому, что в восьмом десятилетии 20-го века начался нефтяной цикл: цены на нефть в течение этого десятилетия резко повысились. Кроме того, мы выбрали период в 40 лет для того, потому что во многих исследованиях результаты определяются именно недостаточным временным размером выборки.

Одной из объясняющих переменных нам послужил начальный уровень подушевого ВВП, который мы включаем в регрессию, чтобы проконтролировать эффект конвергенции: более богатые страны находятся ближе к траектории сбалансированного роста, поэтому растут медленнее. Кроме того, мы добавили переменную общего образования, включающую начальное, среднее и высшее образование, в начальный период, т.е. в 1970 году. Данные об уровне образования были позаимствованы нами из базы данных Barro и Lee <http://www.barrolee.com/>. Мы использовали данные об общем уровне образования среди тех, кто старше 25 лет.

Мы также используем показатель ресурсного богатства, средний уровень нефтяной ренты в ВВП, в качестве объясняющей переменной. Как альтернативу

этому показателю, мы используем дамми-переменную, отражающую страны, получившие значительные выгоды от продажи нефти за рассматриваемый период, с 1970 по 2010 год. Мы также используем показатель открытости экономики в начальный период, в 1970 году.

Наконец, мы включаем в регрессию показатель качества институтов, используя базу данных Kuncic <https://sites.google.com/site/aljzkuncic/research>. Автор этой базы данных группирует страны по качеству институтов, присваивая рейтинг 1 наименее институционально развитым странам, и рейтинг 5 экономикам с наиболее качественными институтами.

2.2 Эконометрическая оценка влияния ресурсных доходов на устойчивость экономического роста

В следующей таблице мы приводим результаты оценки регрессии, построенной по итогам обзора литературы, проведенного в параграфе 1.2, в которой средние темпы роста экономики с 1970 года по 2010 год являются объясняемой переменной, а в список объясняющих переменных входят начальный уровень подушевого ВВП, общий уровень образования, включающий начальное, среднее, а также высшее образование, в начальный период, то есть в 1970 г., уровень открытости экономики³⁾ в 1970 году, а также дамми-переменную, отражающую размер подушевых нефтяных доходов с 1970 по 2010 годы. 29 странам из выборки, получившим значительные нефтяные доходы на душу населения, присвоено значение 1, остальным странам — 0.

³⁾ Описывается показателем суммы экспорта и импорта товаров и услуг в долях ВВП.

Таблица 2 - Результаты оценки регрессии, в которой зависимой переменной является средний темп роста экономики с 1970 по 2010 год, а список объясняющих переменных включает начальный уровень подушевого ВВП (InitGdp), уровень общего образования, включая начальное, среднее и высшее (TotalEdu), в начальный период, уровень открытости экономики (Open) в начальный период, а также статус богатой нефтью экономики (Rents)

	Estimate	Std Error	t-value	P-value
Intercept	8.536e-03	3.673e-03	2.32	0.022377 *
InitGdp	-1.266e-06	3.030e-07	-4.18	6.82e-05 ***
TotalEdu	2.578e-03	6.451e-04	3.996	0.00013 ***
Open	7.798e-05	3.611e-05	2.16	0.033481 **
Rents	1.032e-03	3.501e-03	0.3	0.768926
Residual standard error: 0.01381 on 90 degrees of freedom				
Multiple R-squared: 0.2302, Adjusted R-squared: 0.1959				

Примечание к таблицам в данной главе - *** обозначает уровень значимости 1%, ** - 5%

Источник: расчеты РАНХиГС

Все переменные имеют вполне предсказуемые знаки и, кроме показателя, отражающего размер нефтяной ренты, оказываются значимыми. Начальный уровень подушевого ВВП, в точности с теоретическими предсказаниями, оказывает значимое отрицательное влияние на последующие темпы экономического роста. Уровень общего образования, отражающий запас человеческого капитала, напротив, становится причиной более высоких темпов роста экономики. Большая открытость для внешней торговли также ускоряет экономический рост. Однако статус богатой нефтью страны не влияет на темпы экономического роста.

Этот результат согласуется как с историческими эпизодами, о которых говорилось выше, так и с результатами некоторых ключевых исследований по теме ресурсного проклятия, например, [7].

В соответствии с полученным нами результатом, сами по себе природные ресурсы не приносят вреда или пользы для экономического развития, результат их

использования зависит от дополняющих факторов, уровня образования и качества институтов.

2.3 Определение уровня чувствительности темпов экономического роста к дополнительным механизмам, через которые реализуется влияние ресурсной ренты

Вполне возможно, что отсутствие влияния ресурсов на экономический рост стало результатом размера нашей выборки. Эпоха низких цен на нефть, начавшаяся в середине 80-х и продолжавшаяся до конца 90-х, была компенсирована ростом нефтяных цен в 2000-е, поэтому вполне возможно, что в итоге влияние нефтяного богатства на темпы экономического роста оказалось нейтральным. Вполне возможно, что если мы, как многие авторы, например [1], ограничим выборку периодом с 1970 года до середины 1990 или до 2000 года, то нефтяное проклятие себя проявит.

Мы проверяем это предположение, оценивая регрессию, в которую включены те же показатели, что и в предыдущем случае, однако, средние темпы экономического роста и статус богатой нефтью страны определяются исходя из данных с 1970 по 2000 г. (Таблица 3).

Таблица 3 - Результаты оценки регрессии, в которой зависимой переменной является средний темп роста экономики с 1970 по 2000 год, а список объясняющих переменных включает начальный уровень подушевого ВВП (InitGdp), уровень общего образования, включая начальное, среднее и высшее (TotalEdu), в начальный период, уровень открытости экономики (Open) в начальный период, а также статус богатой нефтью экономики (Rents)

	Estimate	Std Error	t-value	P-value
Intercept	2.608e-03	4.062e-03	0.64	0.5222
InitGdp	-1.690e-06	3.685e-07	-4.59	1.22e-05 ***
TotalEdu	3.937e-03	7.505e-04	5.245	7.84e-07 ***
Open	8.977e-05	4.103e-05	2.188	0.0308 **
Rents	2.018e-03	4.030e-03	0.501	0.6175

Источник: расчеты РАНХиГС

Однако результаты оценки и этой регрессии, приведенные в Таблице 3, указывают на то, что сокращение выборки ничего не изменило по сравнению с предыдущим результатом. Статус богатой нефтью страны остается незначимым для экономического роста.

Стоит подчеркнуть, что отсутствие значимости переменной, отражающей уровень нефтяного богатства, является абсолютно устойчивым результатом. Мы использовали разные выборки, добавляли и удаляли переменные (например, качество институтов, а также переменные, отражающие взаимодействие между институтами или уровнем человеческого капитала (уровнем образования) и ресурсным богатством), мы также использовали альтернативные показатели ресурсного богатства, например, среднюю долю нефтяных доходов в ВВП, однако, результат остался неизменным (и в ряде случаев ухудшается): нефтяное богатство не является значимой переменной.

Ниже, в Таблице 4, мы приводим результат оценки регрессии, в которой в качестве показателя нефтяного богатства используется средняя доля нефтяных доходов в ВВП с 1970 по 2010 год. Результат остается неизменным: показатель нефтяного богатства вновь оказывается незначимым.

Таблица 4 - Результаты оценки регрессии, в которой зависимой переменной является средний темп роста экономики с 1970 по 1995 год, а список объясняющих переменных включает начальный уровень подушевого ВВП (InitGdp), уровень общего образования, включая начальное, среднее и высшее (TotalEdu), в начальный период, уровень открытости экономики (Open) в начальный период, а также статус богатой нефтью экономики (Rents)

	Estimate	Std Error	t-value	P-value
Intercept	0.0574402	0.0121573	4.72	0.000***
InitGdp	-1.33e-06	1.10e-06	-1.21	0.230
TotalEdu	-0.0000522	0.0022464	-0.02	0.981
Open	-4.87e-06	0.0001228	-0.04	0.968
Rents	-0.0112781	0.0120627	-0.93	0.352
Residual standard error: 0.281887961 on 108 degrees of freedom				
Multiple R-squared: 0.0393, Adjusted R-squared: 0.0037				
F(4, 108) = 1.10, Prob > F = 0.3588				

Источник: расчеты РАНХиГС

Любые другие оценки, которые мы получили, оставляют описанный выше результат неизменным: нефтяное богатство не оказывает значимого влияния на средние темпы экономического роста.

Полученные нами результаты, таким образом, оказались между полярными взглядами, которые рассматривают ресурсное богатство как проклятие для экономического роста, как в работе [1], или, напротив, как благо, как в [4].

Глава 3 Формулировка выводов и практических рекомендаций для России на основании проведенного исследования

3.1 Экономическая политика, направленная на сдерживание ресурсного проклятия

Быстрее или медленнее развиваются страны, богатые природными ресурсами? Вероятно, нет возможности дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Как показывает история некоторых стран Персидского залива, ресурсное богатство может довольно быстро увеличивать уровень жизни в бедной стране. Однако достаточно нефтяному буму смениться сырьевой стагнацией или рецессией, как уровень жизни в экономике сначала начинает снижаться, а затем на многие годы остается на приблизительно одном и том же уровне. В то же время, несырьевые экономики продолжают расти в период сравнительно низких цен на сырье. Наблюдения, сделанные в годы ресурсной депрессии, подталкивают сделать вывод о негативном влиянии ресурсов на темпы роста. Например, в работе [3] автор указывает на средние темпы экономического роста в Катаре с 1970 по 1995 годы, где они составили -6% и автор указывает на них как на яркий пример ресурсного проклятия. Однако 20 лет спустя после этого Катар стал одной из самых богатых стран мира, обойдя по показателю уровня среднедушевых доходов большинство развитых экономик. В то же время нет никакой уверенности в том, что Китай не попадет в ловушку среднего дохода и не сможет стать богатой страной. В результате Катар благодаря природным ресурсам может остаться богатой страной в то время как ресурсно-бедный Китай останется мировым середняком. Таким образом, вывод о том, существует ресурсное проклятие или нет, чувствителен к выбранным временным интервалам. Как уже подчеркивалось выше на примерах работ [1] и [4], он также чувствителен к выбранным показателям ресурсного богатства и применяемым статистическим методам.

Гораздо легче сравнить волатильность доходов в сырьевых и несырьевых

экономиках. В 2008 году подушевой ВВП в США достиг уровня в 48 000 долл. в текущих ценах. В следующем году он сократился приблизительно на 2000 долл. Абсолютная величина спада оказалась похожа на падение подушевого ВВП во времена Великой депрессии, однако процентное уменьшение подушевого выпуска во время недавнего кризиса было на порядок меньше. В то же время, экономика Объединенных Арабских Эмиратов, почти догнав США в 2008 году, затем обвалилась примерно на четверть, что в процентном соотношении близко к обвалу в США во времена Великой Депрессии. Едва ли можно найти развитую страну, в которой происходили бы столь резкие колебания подушевых доходов.

Менее волатильны подушевые доходы и в развивающихся ресурсно-бедных экономиках.

Указанные выше неудачные истории Венесуэлы и Нигерии относятся к первому нефтяному циклу, который начался в 1974 году с резкого роста цен на нефть. В 1979 году нефть резко подорожала опять, в третий и последний раз это случилось в 1980 году, после чего начала снижаться не слишком быстрыми, но и не слишком медленными темпами. Резкое падение цен на нефть произошло в 1986 году, после чего темпы падения нефтяных цен замедлились. К 1993-1994 годам цены незначительно снизились и до 1998 года, когда они вновь резко обвалились, оставались приблизительно на одном и том же уровне. Однако в следующем, 1999 году, началось их восстановление. Далее, с 1999 до 2008 года цены на нефть в среднем увеличились, иногда сравнительно быстро. С 1999 года, вероятно, начался следующий цикл нефтяных цен.

Те проблемы, которые описываются выше, относятся именно к первому циклу. Об окончательных итогах второго нефтяного цикла, конечный, нисходящий этап которого мы, возможно, наблюдаем начиная со второй половины 2014 года, говорить преждевременно, однако, возможно, на этот раз есть основания ожидать несколько лучших итогов для богатых нефтяными ресурсами развивающихся стран: ведь последние старались исправить некоторые ошибки, допущенные ими во время предыдущего сырьевого цикла. Например, в этот раз во время восходящего этапа нефтяного цикла они чаще создавали суверенные фонды с целью сгладить уровень агрегированного потребления, старались вовремя расплатиться по внешним займам, а не накопить их, делали попытки диверсифицировать свои

экономики и т.д. Однако, похоже, что после окончания и этого нефтяного цикла показатели развития этих сырьевых экономик не станут безупречными. Даже если им удастся избежать крупных проблем, вероятно, едва ли они достигнут того уровня развития, который могли бы достичь, если бы совершили меньше ошибок.

Авторы работы [36] обнаружили устойчивую долгосрочную связь между ценами на ресурсные товары и валютным курсом. В работе [38] авторы обнаружили, что стоимость золота является ключевой переменной, определяющей уровень реального валютного курса в Южной Африке. Около половины экспортной выручки Южной Африки состоит из доходов от продажи природных ресурсов, в основном золота. Как указывается в работе [39], на протяжении 1960-х, а также в начале 1970-х гг. цены на золото оставались низкими, однако почти одновременно с началом нефтяного бума они стали расти и, достигнув пика в 1980 г., затем стабилизировались на уровне, более чем в 10 раз превышающем начальное значение цены на золото, сложившегося до роста цен. Как результат, доля ресурсной ренты в ВВП значительно возросла. В пиковые годы, в начале 1980-х, эта доля составляла 18% против 4% до начала ресурсного бума или 3% в 1994 г. Кроме того, с начала ресурсного бума в Южной Африке увеличился и размер государственных расходов. При этом их изменение лишь незначительно отражало рост цен на золото и другие ресурсы: начав повышаться в середине 70-х, госрасходы продолжили расти и после того, как пик ресурсного бума был пройден. Максимальный уровень госрасходов был достигнут в 1993 году и составил приблизительно 21% ВВП. Если рост госрасходов в конце 80-х и начале 90-х гг. можно объяснить политическими причинами, связанными с демонтажем апартеида, то едва ли этим же объясняется их рост в начале 1980-х. Возросший уровень госрасходов не так просто вернуть на начальный более низкий уровень. Как следствие роста госрасходов, увеличился и реальный валютный курс: на протяжении 5 лет, 1980 до 1985 года он значительно превышал свое устойчивое значение, сложившееся в предшествующие годы. Результатом роста реального валютного курса стала деиндустриализация: с 1963 по 2003 доля промышленности в добавленной стоимости сократилась на 24%. Автор полагает, что два основных канала деиндустриализации — это сокращение уровня занятости в промышленности, сокращение выпуска, и, как следствие, уменьшение возможности накапливать опыт от выпуска индустриальных товаров. Как результат последнего эффекта, производительность увеличивается медленнее, чем могла, если бы сокращения

размера индустрии не произошло. Вторым каналом, который отмечает автор, заключается в уменьшении масштаба перетока технологий в развивающуюся страну из-за сокращения размера индустриального сектора.

Соседке Южной Африки, Ботсване, удалось избежать голландской болезни в ее классическом определении. Не в последнюю очередь потому, что индустриальный сектор, хотя и стал больше со времен обретения страной независимости в 1966, все же остается небольшим. Экономика Ботсваны — один из примеров, когда стране удалось избежать ресурсного проклятия. Как подчеркивается в работе [40], с 1965 по 1980 год эта страна росла со средним темпом в 13.9% в год, с 1980 и до 1989 года темпы роста в Ботсване немного замедлились, но все равно сохранялись впечатляющими, оставаясь на среднем уровне в 11.3% в год. В период с 1990 до 1998 они сократились до 4.75%.

Свою независимость от Великобритании в 1966 страна начала на дне мирового ранкинга доходов, войдя в список беднейших 25 стран мира. Однако экономике Ботсваны удалось переместиться в группу стран со средним доходом и это произошло именно благодаря ресурсному сектору, большей частью благодаря добыче алмазов. Ресурсный сектор достиг пика своего развития в 1989 году, когда выпуск ресурсного сектора составлял 50% ВВП. Чтобы избежать роста государственных расходов и удорожания реального валютного курса, правительство Ботсваны аккумулировало доходы от ресурсных секторов в резервах иностранной валюты.

Кроме того, в соответствии с установленными правилами, бюджетные расходы этой экономики реагировали не на текущий рост экспортных доходов, а на долгосрочные ожидания уровня экспортной выручки. Это позволило экономике избежать и удорожания реального валютного курса, и серии бюджетных дефицитов, и, как результат, накопления долгов. Кроме этого, благодаря вложению экспортной выручки в резервы, экономике Ботсваны удалось трансформировать ресурсное богатство в другие виды активов наиболее эффективно. Дело в том, что возможности для вложения ресурсной выручки внутри страны были ограничены, поэтому чрезмерное инвестирование скорее всего привело бы к потере части выручки от ресурсного экспорта.

Над той же частью ресурсных доходов, которая инвестировалась в экономику,

был установлен контроль. Полномочия контроля за инвестированием ресурсных доходов в экономику, которое юридически осуществлялось через реализацию планов развития, не были централизованными. Рассмотрением инвестиционных планов занимался парламент и изменения, которые требовалось сделать во время выполнения планов, могли быть утверждены только парламентом. Как результат, страна избежала распоряжения доходами от продажи природных ресурсов через непрозрачные процедуры, которыми распоряжается ограниченная группа представителей власти, что часто приводит к неэффективному использованию ресурсных доходов.

Как следствие этих мер, Ботсвана получила запас прочности на периоды снижения ресурсных доходов, так как во время экспортных бумов откладывала часть ресурсных доходов на менее благоприятные времена. Кроме того, экономике удалось создать крупный сектор услуг, увеличить размер индустриального сектора, избежать распространенных в этой части Африканского континента вооруженных конфликтов и связанных с ними разрушений, и, как следствие этих результатов, переместиться в группу стран со средним уровнем дохода.

3.2 Уроки для российской экономики

Российская экономика — один из крупнейших экспортеров сырья в мире. Однако история ее развития едва ли напоминает лучшие примеры сырьевых экономик. Скорее, российская история похожа на эпизоды умеренных неудач сырьевого развития. Стране, как и в случае не самых лучших эпизодов из сырьевого прошлого латиноамериканских государств, не хватает человеческого капитала, институтов, надежно защищающих права собственности и сбалансированной политической системы для того, чтобы эффективно дополнить доходы от продажи природного богатства.

Подробнее об этом будет рассказываться ниже.

3.2.1 Условное ресурсное проклятие

Как показывают многочисленные исторические эпизоды, одно лишь природное богатство не несет угрозы экономическому развитию. Природное

богатство позволило нескольким странам переместиться из группы сравнительно бедных экономик в лидеры экономического развития. Например, благодаря своим древесным ресурсам, Швеция из аграрной периферии Европы середины 19 века трансформировалась в индустриальную экономику, экспортирующую технологичные товары по всему миру. Похожая история произошла и с финской экономикой, в частности с компанией Nokia, которая десятилетиями производила технологически простые товары, в том числе и из древесины, однако благодаря высоким доходам от своего традиционного бизнеса смогла создать и развить высокотехнологичное телекоммуникационное подразделение, ставшее одним из мировых лидеров в сфере телекоммуникационной связи.

Природные ресурсы могут быть использованы не только для создания новых высокотехнологичных индустриальных или сервисных экспортных отраслей, не связанных с природными ресурсами. В нескольких исторических эпизодах США, Австралия, Норвегия, Чили, Ботсвана и некоторые другие экономики становились богаче не только благодаря политике диверсификации, но и за счет эффективного, технологичного использования своих ресурсов, т.е. поиска, добычи и продажи собственного природного сырья. В этих странах благодаря усилиям хорошо подготовленного геологического и инженерного корпуса систематически обнаруживались все новые и новые залежи природных ресурсов, которые эффективно добывались, а затем экспортировались. Обнаружение полезных ископаемых было настолько эффективным, что итоговый запас многих видов полезных ископаемых продолжал увеличиваться, несмотря на непрерывную добычу и исчерпание ранее открытых месторождений.

Раньше или позже в США, Австралии и некоторых других экономиках национальные сырьевые компании трансформировались в международные и приступили к добыче ископаемых уже по всему миру. Кроме того, благодаря развитию национальной сырьевой отрасли в некоторых странах появились и достигли экспортного уровня смежные сектора, например, строительство нефтедобывающих платформ в Норвегии или создание программного обеспечения, использующегося в поиске полезных ископаемых в Австралии.

Как показывают многочисленные исторические примеры, природные ресурсы, таким образом, могут быть трансформированы во внутренние инвестиции

и, как результат, накопление физического капитала, получение передовых технологий, а также в более высокую квалификацию специалистов, благодаря чему шансы на диверсификацию экономики, выход новых отраслей на международный рынок, и, как следствие, устойчивое экономическое развитие значительно увеличиваются. Кроме того, даже в отсутствие политики диверсификации, только за счет развитого сырьевого сектора доходы могут увеличиваться, трансформируясь в более высокий уровень потребления, а также сбережения индивидов.

Таким образом, есть основания сделать заключение о том, что об абсолютном ресурсном проклятии не может быть и речи: для того чтобы полезные ископаемые наносили вред экономическому развитию, природное богатство должно быть дополнено некоторыми дефектами, масштабно проявляющими себя в экономике.

Из-за действия этих дефектов, таким странам как Венесуэла или Нигерия не удалось воспользоваться ресурсным богатством для устойчивого увеличения доходов в своих экономиках.

Среди основных ограничений в странах, чье природное богатство не приводит к устойчивому развитию их экономик, подчеркиваются дефицит человеческого капитала, а также низкое качество институтов.

3.2.2 Дефицит человеческого капитала

Наиболее частым проявлением дефицита человеческого капитала в стране, богатой природными ресурсами, становится низкая эффективность ее добывающего сектора. Дефицит современных знаний у геологического и инженерного корпуса делает возможным увеличение запасов и добычи природных ресурсов в основном за счет обнаружения месторождений с простыми свойствами извлечения природного сырья. Так как систематическое обнаружение таких месторождений крайне маловероятно, хотя бы из-за ограниченности территории страны, такая экономика имеет относительно высокие шансы исчерпать свои природные ресурсы в сравнительно близком будущем. Именно в такой ситуации оказались Чили во второй половине 19 века, а также Австралия в первой половине 20 века. Не имея знаний для эффективного поиска залежей природных ресурсов, геологи долгое время не могли обнаружить достаточного количества природных ресурсов для компенсации уже исчерпанного сырья. А инженеры в этих странах использовали лишь устаревшие

технологии, поэтому добыча природных ресурсов из месторождений более высокой сложности была ограниченной. Поэтому в австралийском обществе на продолжительное время установилось впечатление, что некоторые природные ресурсы этой страны близки к исчерпанию. Реагируя на это, правительство ввело запрет на их добычу. Однако когда в начале второй половины 20-го века квалификация геологического и инженерного корпуса значительно увеличилась, этот запрет был отменен, потому что в результате более эффективной разведки и добычи полезных ископаемых прирост запасов всех видов сырья значительно превысил их выбытие в результате добычи.

Таким образом, увеличение профессионализма геологического и инженерного корпуса позволяет ресурсному сектору обнаруживать и использовать месторождения с гораздо более сложными условиями добычи, тем самым снижая зависимость экономики от необходимости систематического обнаружения сравнительно крупных залежей полезных ископаемых с легко доступным сырьем, и увеличивая накопленные запасы природного сырья и ожидаемые потоки сырьевых доходов.

Помимо Чили, о которых говорилось чуть выше, низкие темпы экономического роста других стран Латинской Америки второй половины 19 в — первой половины 20-го века как раз были связаны с дефицитом национального горно-инженерного и геологического корпусов, результатом чего были низкий уровень обнаружения залежей полезных ископаемых и небольшая эффективность добычи природного сырья. Стоит, однако, подчеркнуть, что сегодня страны Латинской Америки. Чили, например, смогли значительно увеличить размер человеческого капитала в геологическом секторе и, как результат, занимаются поиском и добычей полезных ископаемых достаточно эффективно.

Разумеется, уровень запаса человеческого капитала играет роль не только для самого ресурсного сектора, но и для диверсификации экономики. Если в стране изначально недостаточен запас человеческого капитала, например, в результате плохого школьного или университетского образования, становится довольно сложно получить образование мирового уровня, необходимое для реализации политики диверсификации, даже если для этого предусмотрена финансовая поддержка правительства.

Некоторые страны, экономическому развитию которых помогли природные ресурсы, такие как, например, Швеция в середине 19-го века, были прекрасно подготовлены к получению современных инженерных знаний благодаря распространенному школьному образованию и существованию развитого университетского образования.

Напротив, в странах Латинской Америки 19-го века школьное образование получало подавляющее меньшинство населения, а университетского технического образования в экономиках Латинской Америки, за исключением Мексики, не существовало вовсе. Столь незначительный уровень человеческого капитала затруднял подготовку инженерного корпуса и диверсификацию латиноамериканских экономик. Неслучайно крупнейшие индустриальные и инфраструктурные проекты в Латинской Америке появились лишь благодаря стараниям иностранных профессионалов, которые привозили с собой также и ассистентов.

Более современным примером являются экономики стран Персидского залива. Хотя в Объединенных Арабских Эмиратах распространена школьная система, а также существует сеть университетов, едва ли эта страна готова к технологическому взлету. Акцент в образовании сделан не на современных технических или управленческих дисциплинах, поэтому импорт этой страной технологии или оборудования эффективен только при условии импорта человеческого капитала, который имеют квалификацию, достаточную для того, чтобы работать с этими технологиями и оборудованием. Так часто и поступают Объединенные Арабские Эмираты, а также многие другие страны Персидского залива, нанимая экспатов для обслуживания своих технологичных отраслей, благодаря которым правительства этих стран пытаются диверсифицировать свои экономики. Но для того, чтобы иметь возможность импортировать квалифицированный труд в больших количествах, необходимо зарабатывать ресурсные сверхдоходы, что невозможно для подавляющего большинства сырьевых государств. Оказавшись в похожей ситуации дефицита качества школьного и университетского образования, они испытывают дефицит человеческого капитала, необходимого для диверсификации.

Если, однако, в стране хорошо развита система образования, и для развития современных отраслей в ней не хватает лишь отдельных университетских программ, то шансы для диверсификации в таком случае заметно повышаются: нужные знания

могут быть получены на международном образовательном рынке, в особенности, если студентам оказывается финансовая поддержка. Получив эти знания, индивиды получают возможность сделать вклад в развитие высокотехнологичных компаний в стране происхождения.

В России ситуация с образованием не настолько хороша, как для своего времени в Швеции в середине 19 века. Однако уровень российского образования намного лучше того, который получают граждане стран Персидского залива. Тем не менее, во многих областях российского образования существует заметное отставание от ведущих мировых программ в соответствующих дисциплинах.

Возможно, одним из результатов проблем с образованием является технологическое отставание российского сырьевого сектора, похожее на эпизоды технологического отставания латиноамериканских сырьевых компаний. Вполне вероятно, что по этой причине российские сырьевые гиганты не смогут трансформироваться в крупные международные компании, занимающиеся поиском и добычей нефти и газа во всем мире, даже если предположить, что никаких других ограничений для их экспансии не существует.

Похожие проблемы могут возникнуть и в случае реализации политики, целью которой является диверсификация экономики: существующего уровня инженерного или управленческого образования может не хватить для копирования передовых технологий. В таком случае сделанные благодаря сырьевым доходам инвестиции в инфраструктуру или основные средства не будут дополнены необходимым человеческим капиталом, из-за чего политика диверсификации может быть провалена.

3.2.3 Качество институтов

Однако даже в случае сравнительно развитой национальной образовательной системы шансы на накопление человеческого капитала и диверсификацию экономики становятся значительно ниже, если в стране отсутствуют развитые институты.

Как уже подчеркивалось выше, в странах Скандинавии, США, Канаде, а также в намного менее развитых странах, например Зимбабве, использование

ресурсного богатства помогло экономическому развитию. Стоит, однако, подчеркнуть, что во всех этих странах, институты, включая защиту прав собственности и контроль над использованием ресурсного богатства, а также финансовые институты, были сравнительно развитыми. Благодаря хорошей защите прав собственности и сравнительно развитой банковской системе шведские инженеры в 19-м веке могли создавать и развивать бизнес у себя в стране, а зимбабвийские доходы от продажи алмазов были использованы для вложения в образование и инфраструктуру, а не были поглощены коррупцией.

Если экономика не наделена качественными институтами власти, а также сравнительно развитым финансовым сектором, природные ресурсы едва ли смогут помочь ее экономическому развитию, а в худшем случае они могут стать причиной его торможения.

В случае недостаточного развития финансовой системы, индивиды, получившие передовые знания, будут испытывать проблемы с получением финансирования для организации собственного бизнеса или реализации своих профессиональных возможностей, если кредит нужен новой компании, в которой работает квалифицированный специалист. Правительство может использовать доходы от продажи сырья для помощи талантливым гражданам в получении современного образования, однако дефицит финансовых ресурсов может не позволить этим индивидам получить нужное им финансирование и проявить себя. Скорее всего, в стране происхождения из-за дефицита свободных финансов, они столкнутся с ограничениями, из-за которых не смогут полностью реализовать свои знания и способности.

В случае недостаточной защиты прав собственности усилия и затраты на диверсификацию экономики также могут быть тщетными. Благодаря доходам от продажи природного сырья стране более не надо обращаться к международному финансовому рынку для получения кредитов: теперь экономика конвертирует свое природное богатство в доходы в мировой валюте и таким образом получает, по крайней мере, часть финансовых ресурсов для инвестиций в экономическое развитие. Однако, несмотря на вложения в инфраструктуру и человеческий капитал, стратегия диверсификации, игнорирующая институциональные проблемы, имеет высокие шансы быть проваленной. Инвестиции в инфраструктуру могут помочь

компаниям снизить издержки, но не гарантируют соблюдения права собственности на заработанные прибыли. Поэтому если развитие инфраструктуры не дополнено улучшением институциональной среды, результатом инфраструктурных затрат может быть появление одних лишь инфраструктурных объектов, без ожидаемого роста инвестиций в создание и развитие современных компаний.

Похожая ситуация может сложиться и с инвестициями в человеческий капитал. Если в стране из-за слабой защиты прав собственности не появляются технологичные компании, хорошо образованные индивиды, не находя рабочих мест, соответствующих их квалификации, будут искать себе работу за пределами национального рынка труда. Ограничительные меры, не позволяющие им этого делать, вряд ли что-то исправят: ведь из-за того, что инженер, программист или экономист не смогут искать работу за рубежом права собственности в национальной экономике не станут соблюдаться лучше, и, поэтому, технологичных рабочих мест не будет больше.

Таким образом, если центральное правительство не прикладывает достаточных усилий для улучшения институциональной среды и борьбы с коррупцией, и низкий уровень защиты прав собственности сохраняется из-за нарушений со стороны чиновников или криминального мира, то природные ресурсы едва ли могут устойчиво помочь экономическому развитию.

В современной России сохранились и едва ли становятся меньше проблемы коррупции и недостаточной защиты прав собственности. Кроме того, из-за коррупции значительная часть природного богатства трансформируется не в основной капитал или инфраструктуру, а в личный капитал коррупционеров.

3.2.4 Политэкономия ресурсного проклятия

Коррупция и недостаточная защита прав собственности, однако, не единственный негативный эффект, который могут создать ресурсные доходы в ситуации несовершенной институциональной системы.

Дополнительные издержки для развития экономики могут также стать результатом сочетания высоких ресурсных доходов и недостатка баланса политической власти. Ведь с проблемами коррупции, недостаточной защитой прав

собственности, дефицитом человеческого капитала рано или поздно можно справиться, если власть имеет для этого достаточную мотивацию.

Высокие ресурсные доходы могут создать для правительства эффект дохода. Допустим, изначально власти относятся к росту сырьевых доходов настороженно: эти доходы могут сократиться и поэтому полагаться на них довольно рискованно. Однако если доходы держаться на высоком уровне продолжительное время, власти вполне могут привыкнуть к этой ситуации и начать верить в то, что доходы останутся на высоком уровне и в будущем. В случае высоких доходов они скорее всего будут в состоянии выполнять и запланированные бюджетные обязательства, в том числе и социальные, и также нести некоторые внеплановые бюджетные расходы, например, ставшие результатом ошибочной политики властей того или иного уровня. Власти предполагают, что ситуация, при которой правительство будет вынуждено отказаться от выполнения бюджетных обязательств, включая социальные, и, как результат, потеряет электоральную поддержку, маловероятна. Так как власти полагают, что электоральная поддержка, скорее всего, сохранится на высоком уровне благодаря высоким ожидаемым ресурсным доходам и достаточным социальным расходам, их стимулы к реформам и диверсификации экономики снижаются.

Представьте, что вам неожиданно достается право сдавать квартиру в аренду. Вначале вы относитесь к новой возможности настороженно, полагая, что по каким-то причинам она может скоро исчезнуть. До появления этого дохода, чтобы в будущем оплачивать расходы своей семьи, вам предстояло сделать тяжелую карьеру и много работать. Теперь же, если арендная плата окажется устойчиво высокой, вы сможете позволить себе не прикладывать тех усилий, которых от вас потребовала бы карьера: ваша семья все равно останется удовлетворенной благодаря возможности увеличить расходы. Если арендная плата действительно сохраняется на высоком уровне длительное время, вы устойчиво повышаете расходы и привыкаете к их новому уровню. Ваши проблемы решаются благодаря удачному стечению обстоятельств, вы популярны среди своих близких, а ваши стимулы к тяжелой карьере уменьшаются.

Конечно, близкие все равно могут требовать от вас начать создавать свою карьеру. Точно так же от властей могут требовать продолжения реформ, даже если текущий бюджет позволяет выполнить все социальные обязательства.

Однако требования к властям будут намного более эффективными в случае сбалансированной политической системы, в которой экспертное сообщество может через законодательную и судебную системы, обладающих политической властью, воздействовать на решения правительства. В противном случае остается полагаться лишь на то, что у исполнительной власти есть внутренние стимулы для проведения реформ.

В ситуации отсутствия контроля за исполнительной властью также малоэффективно и создание различных фондов, аккумулирующих часть доходов от продажи природных ресурсов. Хотя опыт других стран, таких как Норвегия, показал эффективность суверенных фондов для целей сглаживания потребления или управления развитием экономики, стоит подчеркнуть, что в Норвегии природное богатство дополняется развитыми институтами власти, в том числе и политическими. В результате как общественного контроля, так и контроля со стороны других центров власти, исполнительная власть в Норвегии не может распоряжаться суверенными фондами по своему усмотрению. Напротив, в странах, где политическая власть не сбалансирована, где отсутствует система сдержек и противовесов, значительно увеличивается риск неустойчивости суверенных фондов: вместо того, чтобы служить цели сбалансированности потребления во времени, страховкой на случаи снижения доходов, суверенные фонды могут быть использованы властью по ее усмотрению.

Та же проблема распространяется и на государственные инвестиционные программы, и на бюджетные расходы. В отсутствие баланса власти последние полностью контролируются исполнительной властью, и все изменения в экономике случаются только по решению последней. Так как во многих богатых природными ресурсами экономиках баланс власти не сформирован, решения о судьбе суверенных фондов, программ государственных инвестиций и, в целом, расходов бюджета полностью определяется исполнительной властью. Как результат, ключевые решения в экономике принимаются в зависимости от различных ограничений — связанных с мотивацией, экспертных - существующих в исполнительной власти. Если власть полагает, что в реформах нет необходимости, что инвестиции в спортивную инфраструктуру важнее инвестиций в школьное образование, или что одних лишь инвестиций в высшее образование достаточно для увеличения его качества, то

повлиять на эти решения в условиях политической централизации, когда эксперты не имеют никакого формального влияния в политике, крайне сложно. Централизация власти демонтирует любые формальные механизмы влияния, оставляя возможной лишь консультационное взаимодействие с экспертами, к выводам которых власть не обязана прислушиваться. А высокие доходы от сырья, как уже упоминалось выше, в том числе и конвертированные в социальные программы, сохраняют электоральную популярность исполнительной власти на сравнительно высоком уровне, лишая ее долгосрочных стимулов к эффективным преобразованиям. В такой политической системе ресурсное изобилие может стать причиной экономического застоя и даже рецессии, если политика исполнительной власти содержит все больше масштабных ошибок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Sachs, J., Warner, A., (1995), "Natural Resource Abundance and Economic Growth," NBER Working Paper No. 5398.
- 2 Gylfason, T., (2004), "Natural Resources and Economic Growth: From Dependence to Diversification," CEPR Discussion Papers 4804, C.E.P.R. Discussion Papers.
- 3 Gylfason, T., (2001), "Natural resources, education, and economic development," *European Economic Review*, 45, pp. 847-859.
- 4 Alexeev, M., Conrad, R., (2009), "The Elusive Curse of Oil," *The Review of Economics and Statistics*, vol. 91, no. 3, pp. 586-598.
- 5 Kaufmann, D., Kraay, A., Mastruzzi, M., (2005), "Governance matters IV: governance indicators for 1996-2004," *World Bank Policy Research Working Paper Series*, No. 9424.
- 6 Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J., (2004), "Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth," *NBER Working Papers* 10481, National Bureau of Economic Research.
- 7 Van der Ploeg, F., Poelhekke, S., (2010), "The pungent smell of "red herrings": Subsoil assets, rents, volatility and the resource curse," *Journal of Environmental Economics and Management*, Elsevier, vol. 60(1), pp. 44-55.
- 8 World Bank, (2006a), "Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century," *The World Bank*, Washington, D.C.
- 9 Brooks, S., Kurtz, M., (2013), "Oil and Democracy: Endogenous Natural Resources and the political resource curse," *Ohio State University*.
- 10 Brunnschweiler, C., Bulte, E., (2008a), "The resource curse revisited and revised: a tale of paradoxes and red herrings," *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 55, 3, pp. 248-264.

- 11 Rigobon, R., Rodrik, D., (2004), "Rule of Law, Democracy, Openness, and Income: Estimating the Interrelationships," NBER Working Papers 10750.
- 12 World Bank, (1997), "Expanding the measure of wealth: indicators of environmentally sustainable development," Environmentally Sustainable development Studies and Monographs Series No. 17.
- 13 The Economist, (1977), "The Dutch Disease," November, pp. 82-83.
- 14 Krugman, P., (1987), "The Narrow Moving Band, the Dutch Disease, and the Competitive Consequences of Journal of Mrs. Thatcher," Development Economics, vol. 27, pp. 41-55.
- 15 Heerkens, H. and J. Ulijn (1999), "The decline of an innovative firm Fokker: Were there cultural reasons? Journal of Enterprising Culture," (JEC) (Singapore: World Scientific), 7(3), 269-298 (reprinted as "Fokker, a clash of cultures" in JEC, 8(3), 2000.
- 16 Bruno, M., Sachs, J., (1982), "Energy and Resource Allocation : a Dynamic Model of the "Dutch Disease," Review of Economic Studies, XLIX, pp. 845-859.
- 17 Corden, W., (1985), "Protection, growth and trade: Essays in international economics," Basil Blackwell, Oxford, pp. Xiv + 331.
- 18 Matsuyama K., (1992), "Agricultural productivity, comparative advantage, and economic growth," Journal of Economic Theory, vol., 58, pp. 317-334.
- 19 Solow, M., (1956), "A Contribution to the Theory of Economic Growth," The Quarterly Journal of Economics, vol. 70, 1, pp. 65-94.
- 20 Sachs, J.D. and A.M. Warner (1995 and revised 1997a). Natural resource abundance and economic growth, in G. Meier and J. Rauch (eds.), Leading Issues in Economic Development, Oxford University Press, Oxford.
- 21 International Monetary Fund, (2002), "Survey," vol. 31.
- 22 Eastwood, R.K. and A.J. Venables (1982). The macroeconomic implications of a resource discovery in an open economy, Economic Journal, 92, 285-299.

23 Buiters, W.H. and D.D. Purvis (1983). Oil, disinflation, and export competitiveness: A model of the Dutch Disease, 221-248 in J.S. Bhandari and B.H. Putnam (eds.), *Economic Interdependence and Flexible Exchange Rates*, MIT Press, Cambridge, Mass.

24 Wijnbergen, S. van (1984b). Inflation, employment, and the Dutch Disease in oil-exporting countries: A short-run disequilibrium analysis, *Quarterly Journal of Economics*, 99 (2), 233-250.

25 Bruno, M. and J. Sachs (1982). Energy and resource allocation: A dynamic model of the 'Dutch Disease', *Review of Economic Studies*, 49, 845-859.

26 Chatterji, M. and S. Price (1988). Unions, Dutch Disease, and unemployment, *Oxford Economic Papers*, 40, 2, 302-321.

27 Brunstad, R.J. and J.M. Dyrstad (1997). Booming sector and wage effects: An empirical analysis on Norwegian data, *Oxford Economic Papers*, 49, 1, 89-103.

28 Rodriguez, F. and J.D. Sachs (1999). Why do resource-abundant economies grow more slowly?, *Journal of Economic Growth*, 4, 277-303.

29 Davis, Jeffrey, Rolando Ossowski, James Daniel, and Steven Barnett. 2003. *Stabilization and Savings Funds for Nonrenewable Resources*. In *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries*, edited by J. Davis, R. Ossowski and O. Fedelino. Washington, DC: International Monetary Fund.

30 Macartan Humphreys and Martin E. Sandbu. Should you establish natural resource funds? Escaping the Resource Curse// Macartan Humphreys, Jeffrey Sachs and Joseph Stiglitz.

31 Robinson, James A., Ragnar Torvik, and Thierry Verdier. 2005. "Political Foundations of the Resource Curse." Unpublished manuscript.

32 Beck, T., G. Clarke, A. Groff, P. Keefer, and P. Walsh. 2000. "New Tools and New Tests in Comparative Political Economy." World Bank Working Paper. Washington, D.C.: Publisher.

33 Simón Cueva. 2008. *Fiscal Stabilization Funds and Prospects Ecuador*. Working Paper CSI-110 EC-P1059 Development Bank Banco Interamericano de Desarrollo Banco Interamericano de desenvolvimento Banque interaméricaine de développement Country Department Andean Group (CAN).

34 Alberta Heritage Savings Trust Fund Act. Revised Statutes of Alberta 2000. Chapter

http://www.qp.alberta.ca/1266.cfm?page=A23.cfm&leg_type=Acts&isbncln=9780779770601.

35 Catholic Relief Service 2005 “Chad’s Oil: Miracle or Mirage? Following the Money in Africa’s Newest Petro-State”, Catholic Relief Services and Bank Information Center, February 2005.

36 Cashin, P., Cespedes, L., Sahay, R., (2004), “Commodity currencies and the real exchange rate,” *Journal of Development Economics*, vol. 75, pp. 239–268.

37 Ploeg, F. van der. 2010. *Natural Resources: Curse or Blessing?* CESIFO Working Paper No. 3125, Category 9: Resource and Environment Economics.

38 MacDonald, R., Ricci, L., (2003), “Estimation of the equilibrium real exchange rate for South Africa,” *IMF Working Paper*, WP/03/44, Washington DC.

39 Stokke, H., (2007), "Resource boom, productivity growth real exchange rate dynamics – A dynamic general equilibrium analysis of South Africa," *Economic Modelling*, vol. 25, 1, pp. 148-160.

40 Sarraf, M., Jiwanji, M., (2001), "Beating the resource curse. The case of Botswana," *Environment Department*, World Bank, Washington D.C.